

ГЛАВА XIV.

Фельдшерицы и школы для фельдшерицъ.

Кроме занятій, связанныхъ съ званіемъ сестры милосердія, у насъ въ прежнее время профессиональный трудъ женщины въ сферѣ медицинскаго дѣла былъ только одинъ,—это — занятія акушерки, къ которымъ женщина и готовила себя. Для этого имѣлись особыя учебныя заведенія, какъ-то: повивальныя институты Воспитательнаго дома въ Петербургѣ и Москвѣ и, подѣ покровительствомъ Е. В. Екатерины Михайловны, училище для бабокъ при Калининской больницѣ, повивальная школа при Маріинскомъ Родовспомогательномъ домѣ, подѣ покровительствомъ Государыни Наслѣдницы Цесаревны, Закавказскій повивальный институтъ и затѣмъ въ нѣкоторыхъ земствахъ школы для акушеровъ. Эти учебныя заведенія имѣли и имѣютъ совершенно специальную задачу — приготовленіе въ тѣсномъ смыслѣ акушеровъ. Но съ теченіемъ времени жизненный опытъ все болѣе и рѣшительнѣе указывалъ на необходимость и неизбѣжность для женщины болѣе широкаго какъ общаго, такъ и профессиональнаго образованія, на необходимость учрежденія другихъ профессиональных училищъ, въ которыхъ женщина могла-бы получать специальное медицинское образованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расширить тѣсную сферу своей дѣятельности на поприщѣ врачебномъ.

На самомъ дѣлѣ нельзя было игнорировать общаго закона, что производительный трудъ составляетъ и для женщины необходимый эле-

ментъ полнаго существованія и что раздѣленіе труда составляетъ также общій законъ органической природы. Въ Россіи, гдѣ на всѣхъ поприщахъ недостатокъ людей, вопросъ о женскомъ трудѣ не могъ и не можетъ вызывать никакихъ опасеній. Какъ-бы мы ни расширили, или ни сѣздили области женскаго труда,—мы должны признать необходимость открытія еще не существующихъ у насъ техническихъ учебныхъ заведеній для женщинъ *). Такія мнѣнія выражались многими ревнителями просвѣщенія и блага своего отечества. По поводу-же спеціального медицинскаго образованія, не могу не привести мнѣнія одного профессора, который, разбирая мотивы введенія женскаго профессиональнаго труда на медицинскомъ поприщѣ, заключаетъ, что «болѣе другихъ рачительной мѣрою было-бы привлеченіе къ медицинской дѣятельности совершенно новыхъ элементовъ нашего общества, т. е. женщинъ, которые до сихъ поръ не утилизировались». Наконецъ нельзя было не видѣть, что добывать хлѣбъ собственными трудами сдѣлалось въ послѣднее время лозунгомъ и горячимъ желаніемъ наиболѣе даровитыхъ женскихъ членовъ множества семействъ. Сущность послѣдняго явленія состоитъ въ томъ, что женщины стремятся, съ помощью честнаго труда, обезпечить себѣ болѣе самостоятельное положеніе въ обществѣ; какой-же долженъ быть трудъ?.. Не касаясь другихъ областей человѣческаго труда вообще, мы имѣемъ полное право относительно врачебной положить, что систематически утилизировать стремленіе женщинъ въ пользу помощи для сохраненія народнаго здоровья было-бы, при современныхъ обстоятельствахъ русской жизни, разумнымъ практическимъ средствомъ. Поэтому слѣдуетъ предоставить способностямъ женщины достигать различныя званія врачей, фельдшеровъ, дантистовъ. Но при этомъ нужно имѣть въ виду обыкновенныхъ женщинъ, желающихъ трудиться и естественную справедливость, и экономическій законъ, чтобы труду отвѣчало соответствующее вознагражденіе. Только при этихъ условіяхъ общество будетъ имѣть дѣло съ новымъ приложеніемъ силъ, въ обществѣ существующихъ. «Выводъ-же» по мнѣнію компетентныхъ лицъ, «изъ всего этого одинъ,

---

*) Современные вопросы нашихъ дней — профессиональный трудъ женщинъ и профессиональныя школы для нихъ.

что нужно допустить женщину ко всѣмъ степенямъ медицинской іерархіи»...

Идеи о приложимости женскаго труда на врачебномъ поприщѣ и привлеченія женскихъ силъ къ врачебному дѣлу крѣпили, и наконецъ начали выливаться въ самое дѣло, хоть и въ очень недавнее время. Начали образовываться школы фельдшерицъ и являться женщины-фельдшерицы, т. е., женщины, получающія специальное образованіе и право на фельдшерскую практику. У насъ эта профессія все время была исключительно достояніемъ мужчины, а женщинамъ была недоступна. Но въ настоящее время уже существуетъ нѣсколько школъ и нѣкоторые изъ нихъ успѣли сдѣлать выпуски слушательницъ, по окончаніи курса. Многія изъ окончившихъ трудились въ качествѣ фельдшерицъ на войнѣ и для нихъ война дала случай проявить свои знанія и способности на дѣлѣ.

Не говоря о тѣхъ немногихъ слушательницахъ, готовившихся въ сестры милосердія и успѣвшихъ на столько, что имъ присвоено отѣлами общества «Краснаго Креста» званіе фельдшерицъ, — мы имѣемъ въ виду только тотъ женскій персоналъ, который получилъ должную подготовку въ специальныхъ женскихъ фельдшерскихъ школахъ. Школъ такихъ еще очень не много и большинство ихъ находится въ Петербургѣ. Приведемъ нѣкоторые свѣдѣнія о существующихъ фельдшерскихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ.

1) Вполнѣ организованная школа фельдшерицъ (нынѣ лекарскихъ помощницъ) находится въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета и состоитъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Она учреждена при рождественской барачной больницѣ и управляется главнымъ докторомъ больницы І. В. Бертенсономъ. Начало этой школы положено вскорѣ по открытіи Рождественскихъ барakovъ. Согласно волѣ Ея Величества, председательница дамскаго комитета предложила д. Бертенсону основать школу для фельдшерицъ. Д. Бертенсонъ собралъ первое зерно школы — четырехъ слушательницъ, устроилъ частные курсы, которые начали посѣщать и постороннія слушательницы. Число ихъ возрасло къ концу семестра до 20 и правильные фельдшерскіе курсы утверждены въ 1872 году. Официальное же открытіе послѣдовало 27 Іюля 1872 года и по этому поводу Ея Величество удостоила такой телеграммой новую школу на имя директора школы: «Душевно радуюсь открытію школы, желаю отъ всего сердца успѣха сему

полезному учрежденію. Искренно благодарю васъ, вашихъ сотрудниковъ и сотрудницъ за всѣ труды въ этомъ дѣлѣ».

По открытіи классовъ поступило 40 слушательницъ; изъ числа ихъ стипендіатками Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета 11,—Московского комитета 1 и нѣсколько отъ земствъ. Курсы продолжаются три года по особымъ выработаннымъ программамъ. По окончаніи курса, первый выпускъ фельдшерицъ занимался въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и заслужилъ весьма лестный отзывъ отъ госпитальнаго комитета и отъ главнаго врача госпиталя, который заявилъ о ихъ просвѣщенномъ и гуманномъ уходѣ за больными... Затѣмъ окончившія курсъ распредѣлились по больницамъ въ Петербургѣ и по земствамъ. Такъ въ дѣтской больницѣ ихъ 4, въ Петергофскомъ земствѣ 2, Нижегородскомъ 2, Аткарскомъ 1, Верейскомъ 1, Волоколамскомъ 1, Боровичскомъ 1. Школа, поставленная твердо, скоро разрослась и въ 1878 году число воспитанницъ увеличилось значительно; такъ что во всѣхъ 3 классахъ приготовительномъ и 2 специальныхъ находилось уже 94 воспитанницы, именно: въ первомъ 41, во второмъ 29 и въ послѣднемъ 24.

2) Уставъ школы фельдшерицъ при общинѣ Св. Георгія утвержденъ въ 1877 году и тогда же происходилъ первый выпускъ слушательницъ школы, изъ коихъ пять удостоились диплома фельдшерицъ. Три изъ нихъ были отправлены на войну и двѣ на службу въ земства. Наплывъ желающихъ поступить въ школу въ 1877 году былъ еще сильнѣе; такъ что по конкурсу принято 30 чел. Распредѣленіе занятій, выборъ преподавателей и другіе вопросы по школѣ рѣшались совѣтомъ преподавателей, но во всѣхъ вопросахъ всегда обязательно помогали своими совѣтами и содѣйствіемъ проф. С. П. Боткинъ. Преподаваніемъ занимались и занимаюся врачи, какъ-то: Алышевскій, Богоявленскій, Бочечкаровъ, Круглевскій, Левковичъ, Таренецкій, Павловъ, Лапчинскій, Никитинъ, Соколовъ, Ивановъ. Въ Сентябрь 1878 г. поступило 40 учен. (изъ 80 кандидатокъ). Земства, ознакомившись съ размѣрами образованія служащихъ у нихъ фельдшерицъ, не перестаютъ обращаться въ общину съ просьбой доставить имъ фельдшерицъ для сельской врачебной дѣятельности и съ прибавленіемъ самыхъ отзывовъ о ихъ дѣятельности, такъ: «Земство Нижнедѣвицкаго уѣзда имѣетъ уже фельдшерицъ общины Св. Георгія, полезная дѣятельность которыхъ оценена по достоинству не только здѣшними земскими врачами, но и

емскимъ собраніемъ». Нѣкоторыя изъ фельдшерицъ, не бывшія акушерками до поступленія въ школу, слѣшатель поступить на акушерскіе курсы, чтобы дополнить свои знанія по этой части. «Все это», по словамъ отчета школы, «утверждаетъ въ сознаніи практической пользы подготовленія фельдшерицъ, а также въ необходимости надѣлять ихъ научнымъ матеріаломъ, соотвѣтствующимъ самостоятельной роли, въ которой онѣ находятся; таковъ именно матеріалъ, который онѣ приобрѣтаютъ въ общинѣ, благодаря усердію врачей-руководителей». Содержаніе, предлагаемое фельдшерицамъ отъ земствъ, еще очень не равномерно: оно колеблется отъ 200—700 р. въ годъ.

3) Въ тоже почти время учрежденъ фельдшерскій курсъ для женщинъ при Покровской общинѣ. На этомъ курсѣ занимаются преподаваніемъ врачи и консультанты общины. Слушательницы курса также успѣли проявить свои знанія на дѣлѣ.

Въ послѣднее время открывается подобная же школа въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго описанія. «27-го Іюля, въ высокочестивый день рожденія Государыни Императрицы, въ присутствіи генерала-губернатора, членовъ братства Св. равноапостольной Маріи, членовъ александровскаго комитета и другихъ лицъ, происходило освященіе барака имени Государыни Императрицы александровскаго лазарета, устраиваемаго въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, для рабочихъ мѣстныхъ фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, а также для практическихъ занятій воспитанницъ фельдшерской женской школы при братствѣ св. Маріи».

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государыни Императрицы, Ея Величество всемилостивѣйше удостоила московскаго генераль-губернатора слѣдующею телеграмою:

«Донесеніе ваше о бывшемъ, 27-го Іюля, освященіи барачнаго лазарета Моего имени при братствѣ св. Маріи было для Меня пріятнымъ извѣстіемъ: вполнѣ оцѣнивая благотворительную дѣятельность этого учрежденія, Я вмѣняю Себѣ въ особенное удовольствіе искренно благодарить васъ за постоянное ваше содѣйствіе и выразить Мою признательность предѣдателью братства, учредительницѣ лазарета и всѣмъ усерднымъ ихъ сотрудникамъ».

Учрежденіемъ этого перваго барака полагается начало устроенія Александровскаго барачнаго лазарета и фельдшерской женской школы въ Москвѣ.

Къ этому обращаетъ на себя вниманіе по первоначальной цѣли,

которою задался Александровскій Комитетъ, нижеслѣдующій циркуляръ Техническо-инспекторскаго департамента желѣзныхъ дорогъ, разосланный въ совѣты управленій и правленія желѣзнодорожныхъ обществъ.

«Въ будущемъ Сентябрѣ предстоитъ открытіе въ Москвѣ фельдшерской женской школы и барачнаго лазарета, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Фельдшерская женская школа уставомъ своимъ поставила задачей приготовленіе къ должности фельдшерицъ преимущественно дочерей сельскаго духовенства и другихъ сословій, а также и дочерей служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ; въ послѣднемъ случаѣ, эти лица, пройдя курсъ фельдшерской школы и возвратясь въ свои семьи, могутъ посвятить себя всецѣло санитарной дѣятельности на различныхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ самымъ въ состояніи будутъ не только обезпечить свое существованіе медицинскою практикою въ средѣ сельскаго населенія, но и на самой линіи желѣзной дороги, въ случаѣ заболѣваній или увѣчья пассажировъ и служащихъ, подавать необходимую первоначальную помощь, особенно въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ городовъ.

«Имѣя въ виду, что отъ нѣкоторыхъ семействъ желѣзнодорожныхъ служащихъ поступили уже заявленія о зачисленіи ихъ дочерей въ число воспитанницъ и что, хотя на желѣзныхъ дорогахъ существуетъ медицинскій персоналъ, но онъ не всегда можетъ оказывать своевременную помощь и продолжительный уходъ за больными, министръ путей сообщенія предложилъ желѣзнодорожнымъ обществамъ обратить вниманіе на эти два полезныя учрежденія—на пользованіе александровскимъ барачнымъ лазаретомъ, въ случаѣ изувѣченій на желѣзныхъ дорогахъ, а также на содѣйствіе стипендіями или инымъ путемъ образованію фельдшерицъ изъ членовъ семействъ желѣзнодорожной службы».

Съ началомъ минувшей кампаніи, патріотическое чувство женщинъ, воспитывавшихся въ Рождественской школѣ и начальства школы, равно какъ и желанія первыхъ приложить свои знанія тамъ, гдѣ наиболѣе въ нихъ нужды, вызвали нѣкоторыхъ, окончившихъ курсъ фельдшерицъ, къ предложенію своихъ услугъ на театрѣ войны и 35 *) изъ нихъ

*) Сверхъ этого при госпиталѣ въ Корненты состояли воспитанницы старшаго курса: Яковлева Клавдія, Садикова Елизавета, Пушкарева Варва-

были отправлены на войну. Эти труженицы работали во многих госпиталяхъ и наравнѣ съ другимъ персоналомъ не только переносили разныя лишения, но и болѣзни, а одна изъ нихъ и совсѣмъ не возвратилась, павши въ Болгаріи жертвою сыпного тифа.—Нѣкоторыя изъ нихъ трудились на поѣздахъ, другія въ госпиталяхъ, и наконецъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Такъ въ битвѣ при Трестеницѣ на долю фельдшерницъ Поляковой и Яковлевой и сестры Королевой выпалъ въ этотъ день тяжелый трудъ. Ихъ неутомимость, полное самоотверженіе и хладнокровіе, не смотря на грозившую опасность, заслужили имъ общее уваженіе. На сколько извѣстно, служили: на санитарномъ поѣздѣ Ея Величества: Бальзони Софья, Швецова Екатерина, Ланингъ Амалія, Меленътьева Надежда, Семенова Александра, Миронова Елена,—въ Барачномъ госпиталѣ Ея Величества и въ госпиталѣ графа Шереметева въ Корнештахъ: Хохлова Ольга, Евдокимова Анна, Карпова Александра, Колѣнова, Барыкова Ольга, Михайлова Пелагея, Иванова Марья, Степанова Юстинія; за тѣмъ Маркова Александра, Кожухова Варвара, въ началѣ военныхъ дѣйствій въ тылу дѣйствующей арміи, въ Румыніи, въ Китилѣ, въ Путинѣ, въ Зимницѣ, въ Корнештахъ; Васса Стогова, Фрейгангъ Марія—въ Текучѣ, въ Команахъ, въ Путинѣ, Корнештахъ; Полякова Анна, Кассацкая Лидія, Яковлева Наталья—въ Турнъ-Мугурелли, Янко, въ Зимницѣ, подъ Плевною при проф. Склифасовскомъ; Марциновская Люцина—въ Барбошѣ, Команахъ, Фратешти и Корнешты; Григорьева Марья въ Янко и Зимницѣ, Кишкина Екатерина и Фортунатова Любовь—въ Фратешти, Афанасьева Анна въ Браиловѣ и въ Зимницѣ.

Фельдшерицы Петербургской Покровской общины работали на санитарномъ поѣздѣ имени Ея Высочества Александры Петровны.

Насколько можно судить, по отзывамъ врачей, подъ руководствомъ и въ вѣдѣніи которыхъ шла дѣятельность фельдшерницъ—этихъ непосредственныхъ по медицинской части помощницъ врачей,—фельдшерицы оказали и достаточную специальную подготовку и весьма серьезныя отношенія къ дѣлу и своимъ обязанностямъ. Онѣ вполнѣ и съ видимой пользой, даже съ преимуществами, замѣняли фельдшеровъ; такъ что нѣкоторые врачи, въ виду большихъ

ра, Николаева Анна, Лылова Наталья, Логинова Анна, Жданова Екатерина, Мальвинская Варвара.

точности, исполнительности, усердія, и лучших нравственных качеств фельдшерицъ, предпочитали ихъ въ своихъ отдѣленіяхъ фельдшерамъ. Фельдшерицы несли всѣ обязанности, возлагаемыя госпитальными положеніями на фельдшеровъ, какъ въ хирургическихъ, такъ и терапевтическихъ палатахъ, и выполняли ихъ настолько усердно и успѣшно, что нельзя не считать желательнымъ введеніе въ госпитальныя и больничныя учрежденія женскаго элемента въ званіи фельдшерицъ, не только въ военное, но и въ мирное время.— Дѣятельность лицъ женскаго пола, получившихъ нужное подготовленіе къ фельдшерскимъ обязанностямъ, въ земской и сельской медицинѣ должна найти обширное примѣненіе, въ особенности же, если онѣ къ своимъ фельдшерскимъ познаніямъ присоединятъ и знанія, необходимые для подаванія пособія въ родахъ, или если фельдшерицы будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и акушерками.

ГЛАВА XV.

Женщины-врачи и врачебные женскіе курсы.

Въ минувшую войну русская женщина явилась не только въ качествѣ сестры милосердія и фельдшерицы, но и въ званіи, требующемъ болѣе обширнаго общаго образованія и специальныхъ научныхъ знаній, именно въ званіи врача. Впрочемъ русскія женщины, получившія медицинское образованіе за границей, работали въ госпиталяхъ Сербіи во время сербско-турецкой войны. Изъ нихъ извѣстны двѣ: г-жи Зибольдъ и Свѣтловская. Первая изъ нихъ была главнымъ врачомъ госпиталя «Женскаго сербскаго дружелюбія». Когда этотъ госпиталь былъ подчиненъ контролю русскаго общества «Кр. Креста», то проф. Риннекъ въ своемъ отчетѣ удостовѣрилъ, что означенный госпиталь, подъ руководствомъ Зибольдъ, находился въ отличномъ состояніи. Едва-лишь вспыхнула русско-турецкая война, г-жа Зибольдъ явилась на Дунайскомъ театрѣ войны и здѣсь работала въ Зимницѣ наравнѣ съ мужчинами-врачами, потомъ въ Тырновѣ и др. мѣстахъ съ энергіей, искусствомъ и самоотверженіемъ. Въ послѣднее время она трудилась по эвакуаціи больныхъ на баржахъ по Дунаю. Но это были случаи единичные и относились къ лицамъ, получившимъ образованіе за границей.

Первый-же опытъ приложенія врачебныхъ знаній къ дѣлу женщиной, получившій образованіе на нашихъ женскихъ курсахъ, явился въ русско-турецкую войну, если не считать земско-врачебной практической дѣятельности нѣкоторыхъ изъ окончившихъ полный курсъ.

Благодаря горячему участию и вниманію лицъ, на глазахъ которыхъ шло женское медицинское образованіе, слушательницы, окончившія курсъ медицинскихъ наукъ, получили возможность трудиться и работать на войнѣ въ военно-временныхъ госпиталяхъ и даже на перевязочныхъ пунктахъ. Опытъ этотъ тѣмъ болѣе долженъ имѣть значенія, что имъ рѣшительно поколеблены, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, нѣкоторые о т ж и в ш і я воззрѣнія на высшее общее и специальное образованіе женщинъ—на этотъ серьезный и самый общественный вопросъ. Нѣкоторые правда допускали возможность образованія, но не видѣли практическаго приложенія специальныхъ познаній, утверждая, что опытъ укажетъ несостоятельность теоретическихъ воззрѣній на трудъ женщины, какъ врача, и заранѣе какъ-бы предвидѣли, что сама жизнь разрушитъ и л л ю з і и, какъ обзывались мѣропріятія по женскому высшему и специальному образованію... Что-же сказалъ опытъ?.. Какіе результаты его и къ какимъ заключеніямъ можно придти изъ этого опыта?..

Коснемся предварительно разрѣшенія этихъ вопросовъ самаго образованія, какое получаютъ у насъ женщины-врачи. Въ Петербургѣ имѣются высшіе женскіе врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Исторія возникновенія и развитія этихъ курсовъ представляется въ слѣдующихъ моментахъ.

Медицинскій совѣтъ въ 1870 г. призналъ необходимымъ: желающихъ посвятить себя болѣе широкой врачебно-акушерской дѣятельности лицъ женскаго пола допускать къ слушанію особыхъ учебныхъ курсовъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи 4-хъ лѣтняго курса ученія, по установленной совѣтомъ программѣ, и по выдержаніи испытанія на званіе ученой акушерки, онѣ пріобрѣтали право самостоятельной, по преимуществу специальной, акушерской и гинекологической, врачебной практики, а также леченія сифилиса у женщинъ и дѣтей и подаванія врачебныхъ пособій груднымъ дѣтямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подробный проэктъ о такомъ усиленіи медицинскаго образованія особъ женскаго пола препровожденъ былъ на заключеніе и дальнѣйшее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, который, для всесторонняго обсужденія, передалъ этотъ вопросъ въ совѣты университетовъ и совѣтъ министра. Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, не отрицая пользы усиленія медицинскаго образованія для лицъ женскаго пола въ этомъ направленіи, съ дарованіемъ имъ права на самостоятельное леченіе опредѣ-

ленного круга болѣзней, призналъ лишь необходимымъ, чтобы женскіе медицинскіе курсы въ университетахъ были отдѣлены отъ курсовъ для студентовъ.

Мысль о необходимости усилить врачебное образованіе лицъ женскаго пола выразилась и въ послѣдовавшемъ, 14 Января 1871 года, Высочайшемъ повелѣніи, по опредѣленію круга полезной для государства и общества служебной дѣятельности лицъ женскаго пола: всеми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ, курсовъ акушерскихъ наукъ. Въ виду сего, Высочайше повелѣно, 5 Мая 1872 года, открыть при Императорской медико-хирургической академіи, въ видѣ опыта, особый 4-хъ годичный курсъ для образованія ученыхъ акушеровъ. Требования научной подготовки для поступленія на курсы согласованы съ требованіями факультетовъ, за исключеніемъ древнихъ языковъ, такъ какъ они въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ не преподаются, при чемъ для желающихъ поступить на курсы сдѣлано обязательнымъ выдержать повѣрочное испытаніе въ комисіи изъ экзаменаторовъ мужскихъ гимназій; срокъ обученія положенъ 4-хъ годичный, распредѣленіе научныхъ предметовъ для каждаго года согласовано съ планомъ медицинскаго обученія на медицинскихъ факультетахъ, самое преподаваніе возложено, по преимуществу на профессоровъ академіи; установлены въ концѣ каждаго учебнаго полугодія репетиціи изъ пройденныхъ частей наукъ, а въ концѣ каждаго учебнаго года переходныя изъ курса въ курсъ испытанія, по окончаніи-же всего ученія полное испытаніе, по особой программѣ, примѣнительно къ испытанію, установленному на званіе лекаря, съ тѣмъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ въ полномъ объемѣ въ кругъ будущей дѣятельности слушательницъ, какъ-то изъ теоретической и оперативной хирургіи и ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, постановлено испытывать ихъ лишь въ примѣненіи къ этой дѣятельности; изъ судебной-же медицины и медицинской полиціи, изъ ученія объ эпизоотіяхъ и ветеринарной полиціи не испытывать вовсе, а въ замѣнъ того изъ акушерства, ученія о женскихъ и дѣтскихъ (преимущественно грудныхъ дѣтей) болѣзняхъ подвергать болѣе спеціальному, чѣмъ на степень лекаря, какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію.

Распредѣленіе предметовъ по годамъ ученія согласовано съ общи-

ми порядками, *) принятыми академією и медицинскими факультетами; могущіе возникать въ этомъ отношеніи временные вопросы разрѣшаются совѣщаніемъ преподавателей; объемъ преподаваній опредѣленъ по каждой наукѣ въ программахъ, которыя ежегодно печатаются, что даетъ преподавателямъ возможность взаимно согласовать порядокъ и полноту преподаванія.

Безпристрастное наблюденіе за дѣятельностью курса показывало, что учащіеся способны вполне и сознательно усваивать какъ научныя основанія медицинскихъ знаній, такъ и практическое примѣненіе ихъ къ врачебному дѣлу, при томъ не только въ кругу указанныхъ женскому курсу при учрежденіи его спеціальностей, но и по другимъ практическимъ наукамъ, какъ то: клиникѣ внутреннихъ и

---

¹⁾ Въ первые 4 года существованія особаго женскаго курса врачебное обученіе слушательницъ слагалось въ слѣдующемъ порядкѣ и объемѣ:

Въ 1-ю годъ. Физика по $3\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю, Химія 4, Ботаника 4 Зоологія 3, Гистологія $4\frac{1}{2}$, Анатомія 3. Итого 22 часа въ недѣлю.

Сверхъ того практическія занятія Зоологією, какъ практическое приготовленіе къ анатомическимъ приѣмамъ, и занятія Анатомією во 2-мъ полугодіи, ежедневно по 4 часа; для чего слушательницы раздѣлялись на группы. Каждая изъ группъ обязывалась выработать анатомическіе препараты по Міологіи, Ангіологіи и Неврологіи.

Во 2-ю годъ. Физика по $3\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю, Химія 2, Эмбриологія 1, Гистологія $3\frac{1}{2}$, Анатомія 3, Физиологія 4, Паталогія $4\frac{1}{2}$, Фармація $3\frac{1}{2}$. Итого по 25 часовъ въ недѣлю.

Сверхъ того практическія занятія по патологической Гистологіи и по Физиологіи по 1 разу въ недѣлю, по вечерамъ, и практическія занятія по Анатоміи, по вечерамъ же, ежедневно, съ исполненіемъ анатомическихъ препаратовъ.

Въ 3-ю годъ. Паталогическая анатомія по 3 часа въ недѣлю. Диагностика $2\frac{1}{2}$, Фармакологія 3, Хирургическая Паталогія 5, Десмургія $3\frac{1}{2}$, Акушерство $2\frac{1}{2}$. Гинекологія $2\frac{1}{2}$, Гигіена 2. Итого 24 часа въ недѣлю.

Сверхъ того практическія занятія по патологической Гистологіи по вечерамъ 1 разъ въ недѣлю.

Въ 4-ю годъ. Гинекологія по 1 часу въ недѣлю. Акушерская и гинекологическая клиника $4\frac{1}{2}$, Дѣтскія болѣзни 3, Клиника внутреннихъ болѣзней 6, Сифилидологія 3, Дерматологія 2, Офтальмологія 4, Хирургическая Клиника 3. Итого 26 $\frac{1}{2}$ часовъ въ недѣлю.

Сверхъ того слушательницы въ теченіи 4 года ученія занимаются въ клиникахъ сифилитической и наклонныхъ болѣзней, а до 1879/70 учебнаго года практически занимались на этомъ же курсѣ и въ клиникахъ дѣтской и офтальмологической.

наружныхъ болѣзней, ларингоскопіи, офталмологіи, по которымъ въ будущемъ, въ случаѣ нужды, можно также ожидать отъ нихъ пользы для общества.

До 1876 года женскіе курсы руководствовались временнымъ положеніемъ о нихъ, — между тѣмъ опытъ указалъ на необходимость нѣкоторыхъ существенныхъ мѣръ и въ 1876 году женскіе врачебные курсы отдѣлены отъ медико-хирургической академіи. Всѣ занятія слушательницъ перенесены въ николаевскій военный госпиталь, для чего и приспособлены въ немъ необходимыя помѣщенія, а также устроены для курсовъ учебныя пособія. Срокъ обученія слушательницъ установленъ пятилѣтній *). Такимъ образомъ положено начало самостоятельному существованію высшихъ курсовъ, въ настоящее время уже были выпуски слушательницъ, по окончаніи полнаго курса медицинскаго образованія.

Общія основанія выпускныхъ испытаній указаны медицинскимъ совѣтомъ при самомъ учрежденіи курсовъ, именно:

«По окончаніи курса ученія ученицы должны выдержать испытаніе по программѣ, установленной на званіе лекаря, съ тѣмъ при томъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ полностью въ кругъ будущей ихъ дѣятельности, какъ то: изъ теоретической и оперативной хирургіи, судебной медицины, ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ оной, а изъ акушерства, ученія о женскихъ и дѣтскихъ (преимущественно грудныхъ дѣтей) болѣзняхъ подвергаются болѣе спеціальному какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію, чѣмъ на степень лекаря».

Исходя изъ этой программы общихъ требованій, совѣщаніе преподавателей женскаго курса признало справедливымъ съ одной стороны къ числу предметовъ испытанія, опредѣленныхъ закономъ на

---

*) При увеличеніи срока обученія на женскомъ курсѣ еще на одинъ годъ, къ 5-му курсу отнесены слѣдующіе предметы:

Акушерская клиника по 5 часовъ въ недѣлю, Клиника дѣтскихъ болѣзней 6, Клиника внутреннихъ и нервныхъ болѣзней 8, Хирургическая клиника 3½, Клиника офталмологическая 2, Ученіе о психическихъ болѣзняхъ съ демонстраціями больныхъ 2, Оперативная хирургія 2, Ученіе объ ушныхъ болѣзняхъ 2. Итого 30½ часовъ въ недѣлю.

Сверхъ того практическія упражненія въ оперативной хирургіи на трупахъ по 1 разу и упражненія въ электротерапіи по 2 раза въ недѣлю.

степень лекаря, добавить, какъ самостоятельные предметы, въ полномъ объемѣ, гистологию, гигиену, патологию, и клинику нервныхъ и душевныхъ болѣзней съ электротерапіею, сифилидологию и дерматологию, — съ другой — поставить обязательнымъ условіемъ, чтобы изъ клиническихъ предметовъ, независимо указанного закономъ производства испытаній во время самаго учебнаго курса, пока учащіеся посѣщаютъ клиники, и засвидѣтельствowanія о томъ клиническими профессорами, выпускныя испытанія производились на больныхъ въ присутствіи испытательныхъ Комитетовъ.

Опытъ выпускныхъ экзаменовъ подтвердилъ какъ практичность программы, такъ и способность слушательницъ послѣ успѣшнаго 5 лѣтняго ученія вполне удовлетворить требованіямъ оной.

Обращаясь затѣмъ къ правамъ врачебной практики, которыя, по справедливости, должны быть присвоены слушательницамъ женскаго курса, по выполненіи ими устанавливаемыхъ требованій, какъ теоретическаго обученія, такъ и окончательныхъ испытаній, совѣщаніе преподавателей единогласно ходатайствовало о сравненіи ихъ въ этомъ отношеніи съ врачами. Представляя это ходатайство въ медицинскій совѣтъ, главный военно-медицинскій инспекторъ счелъ долгомъ присоветовать, что, при равномѣрности учебныхъ требованій по обученію и на испытаніяхъ, должны учащимся быть предоставлены и одинаковыя права.

И на самомъ дѣлѣ стѣсненіе права практики исключительнымъ разграниченіемъ пола больныхъ не вызывается разумною потребностію и въ практическомъ примѣненіи было бы крайне затруднительно, а для общества невыгодно. Едва ли могутъ возникнуть рациональныя основанія, почему женщина — врачъ не должна въ представляющемся случаѣ дѣлать операціи катаракты мужчинъ или принять на себя леченіе крестьянъ отъ тифа, между тѣмъ при настоящемъ у насъ состояніи врачебной помощи внутри Имперіи такое ограниченіе; еслибъ оно и было возможно въ примѣненіи, было бы не выгодно только для общества. Въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ слушательницы исполняютъ обязанности кураторовъ въ мужскихъ палатахъ и опытъ до очевидности убѣждаетъ, что призрѣніе больныхъ лишь выигрываетъ отъ практической врачебной дѣятельности женщинъ-врачей, какъ соединяющихъ въ себѣ достаточную подготовку съ заботливостію женскаго ухода за больными. — Тѣ же существенныя выгоды общааетъ допущеніе женщинъ-врачей къ врачебной дѣятельности въ земскихъ лечебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ, по необходимости, призрѣ-

ваются лица обоего пола, особенно же полезны будут женщины-врачи въ образовательныхъ учрежденіяхъ для дѣвицъ и въ женскихъ отдѣленіяхъ больницъ и госпиталей, но и для этой дѣятельности ихъ безусловно необходима равноправность врачебной практики.

Въ дальнѣйшемъ разъясненіи правъ лицъ женскаго пола на врачебную практику необходимо отмѣтить мнѣніе особой коммисіи, назначенной медицинскимъ совѣтомъ изъ членовъ его для опредѣленія правъ лицъ женскаго пола, обучающихся въ различныхъ заведеніяхъ, на медицинскую практику и постановленіе самаго совѣта *in pleno*. Первѣя, принявъ во вниманіе, что курсъ продолжается 5 лѣтъ, что въ это время преподаютъ слушательницамъ тѣ же врачебныя науки, какъ и въ университетахъ и по программамъ, не уступающимъ академическимъ и университетскимъ, и что, по строгому теоретическомъ и практическомъ испытаніи, слушаельницы обнаружили основательныя познанія и способность къ медицинской логикѣ, признала справедливымъ ходатайствовать о предоставленіи окончившимъ полный курсъ и выдержавшимъ испытаніе, права, наравнѣ съ лекарями, самостоятельной врачебной практики, безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ. Медицинскій совѣтъ, имѣя въ виду повторяемыя ходатайства земствъ о разрѣшеніи слушательницамъ женскихъ курсовъ, окончившимъ курсъ, права врачебной практики и тѣ измѣненія, которымъ подвергались курсы нѣ теченіе времени, пришелъ къ слѣдующему заключенію. «Хотя права и предѣлы врачебной практики въ законодательномъ порядкѣ еще не утверждены, но въ виду того, что слушательницы дѣйствительно обладаютъ всѣми необходимыми для практики познаніями,—совѣтъ единогласно ходатайствуетъ о предоставленіи имъ нынѣ же, въ видѣ временной мѣры, права самостоятельной практики и врачебныхъ занятій по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, впредь до разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ».

Таковы главные моменты развитія курсовъ: учрежденіе въ видѣ опыта курсовъ для ученыхъ акушеровъ съ правомъ самостоятельной акушерской, женской и дѣтской практики, отдѣленіе ихъ отъ медико-хирургической академіи и уже самостоятельное существованіе полныхъ врачебныхъ пятилѣтнихъ курсовъ и, наконецъ, признаніе компетентными учрежденіями необходимости дать окончившимъ курсъ

право самостоятельной врачебной практики наравнѣ съ врачами-мущинами. Последнее вытекаетъ изъ самой постановки дѣла образованія... Женскіе курсы организованы также, какъ высшія спеціальныя мужскія учебныя заведенія, программы изучаемыхъ предметовъ равно какъ и самое преподаваніе, ни чѣмъ и ни сколько не уступаютъ таковымъ-же въ медицинскихъ факультетахъ и въ академіи. Стремленіе лицъ женскаго пола къ спеціальному образованію, упорство и настойчивость въ достиженіи нужныхъ познаній и дѣйствительное достиженіе серьезныхъ успѣховъ по всѣмъ отраслямъ врачебной науки,—все это утверждено преподавателями и лицами компетентными, присутствовавшими на испытаніяхъ и репетиціяхъ. Все это, между прочимъ, говоритъ и за то, что женщины-врачи и въ практикѣ не отстанутъ отъ своихъ товарищей по профессіи мужскаго пола. Изъ всего этого каждый легко усмотритъ, что дѣло образованія поставлено на широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ и что слушательницы, выходящія изъ этого единственнаго пока у насъ высшаго врачебнаго учрежденія, обладаютъ достаточными познаніями, чтобы вести самостоятельную практику...

Обратимся теперь къ самому опыту... Слушательницамъ пришлось на дѣлѣ показать, на сколько онѣ приготовлены къ обязанностямъ врача.

Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ окончившихъ курсъ съ замѣчательными успѣхами, утвержденными безпристрастными свидѣтельствами, занимались врачебной практикой въ земствахъ, послѣдняя война наша съ турками дала возможность проявить имъ еще болѣе очевидно свои познанія, приложить ихъ къ практикѣ и на опытѣ показать такимъ образомъ способности къ дѣлу, которое доселѣ было единственнымъ достояніемъ мужчинъ.

Еще въ началѣ компаніи, лѣтомъ 1877 года, когда отправились на театръ военныхъ дѣйствій профессора хирургіи, въ то же время состоялось опредѣленіе, что бы окончившія врачебный курсъ женщины отправились на войну и работали тамъ подъ руководствомъ профессоровъ. Въ силу этого опредѣленія командированы обществомъ «Краснаго Креста» и военнымъ вѣдомствомъ слушательницы курсовъ и по прибытіи туда распределены по военно-временнымъ госпиталямъ и лазаретамъ «Краснаго Креста», по преимуществу такимъ, въ которыхъ руководили врачебной и хирургической помощью

профессора академіи или университетовъ *). Такимъ образомъ, часть женщинъ попала въ Яссы, Браиловъ и Фратешти, часть въ Зимницу и наконецъ въ Болгарію: въ Бѣлу и Булгарени. Въ послѣдствіи, когда профессора должны были вернуться въ Россію, т. е. въ Октябрѣ 1877 года, нѣкоторыя изъ слушательницъ также возвратились въ Россію, другія же оставались въ Болгаріи, продолжая заниматься въ госпиталяхъ, расположенныхъ въ Систовѣ, Трновѣ, Адрианополѣ и др. Въ чемъ состояли ихъ занятія, видно изъ слѣдующихъ словъ, слушательницъ. «Обязанности наши состояли въ томъ» пишетъ одна изъ нихъ. бывшая въ Браиловѣ, «что мы сортировали больныхъ, прибывавшихъ на эвакуаціонный пунктъ, при чемъ наиболѣе тяжелые случаи оставались у насъ до окончательнаго исхода болѣзни, а также и легкіе до выздоровленія. Всѣ, оставшіеся въ баракѣ, пользовались нашимъ уходомъ и пособіемъ. Большинство больныхъ представляли инфекціонныя заболѣванія, преимущественно разныя формы болотныхъ лихорадокъ, часто были случаи дизентеріи, а позднѣе осенью развилась эпидемія сыпного тифа». «Въ хирургическомъ отдѣленіи мы перевязывали раненыхъ. Въ концѣ Января, по выздоровленіи отъ тифа, насъ назначили въ Фратешти, гдѣ мы исполняли обязанности ординаторовъ въ тифозномъ отдѣленіи (100 больныхъ частію сыпнымъ, частію возвратнымъ тифами).

«Въ госпиталѣ 48-мъ въ Бѣлѣ», сообщаетъ другой врачъ-женщина, «мы исполняли ординаторскія обязанности. Большинство было раненыхъ, за тѣмъ лихорадочные, тифозные. 12 Октября пришлось быть и на перевязочномъ пунктѣ при Іованъ-Чифтлигѣ, гдѣ вмѣстѣ съ врачами, мы подавали раненымъ хирургическое пособіе».

---

*) Бантле Надежда, Маляревская Екатерина, Попова Марія, Бестужева Софья, Ангелова Анна, Соловьева Елена, Вашкевичъ Елизавета, Кирпотенко Надежда, Малѣева Вѣра, Петрова Вѣра, Васильева Елизавета, Мельникова Марія, Яновская Наталья, Вольботъ Софья, Литова Марія, Подрѣзанъ Анна, Эккертъ Александра, Остроградская Надежда, Мордвинова Марія, Некрасова Варвара, Новоспаская Анна, Быстроумова Павла, Моравская Глафира, Маркова Евгенія, Курвуазье Юлія, Маркевичъ Марія, Лапина Рахиль, Пилипенко Ольга, Павлова-Сильванская Любовь, Кочурова Надежда, Боградъ Розалія, Чехова Вѣра, Троцкая Эсфирь, Дылева Александра, Карасинская Екатерина, Порожнякова Елена, Абрамовичъ Анна, Савицкая Марія, Пономарева Надежда, Дроздова Варвара. Сверхъ того отправились 12 слушательницъ четвертаго курса.

«Дѣятельность наша въ Болгаріи началась съ конца Августа, въ Булгарени при 63-мъ военновременномъ госпиталѣ» сообщаетъ женщина врачъ, пробывшая почти все время въ госпиталяхъ. «Госпиталь этотъ предназначался для 600 раненыхъ, медицинскій персоналъ былъ въ количествѣ, нужномъ именно для этого числа больныхъ; кромѣ того насъ было прикомандировано 4. Оказалось же въ послѣдствіи, что чрезъ госпиталь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, прошло 9500 раненыхъ и въ каждый данный моментъ въ госпиталѣ лежало около 3-хъ тысячъ человекъ. Для того, чтобы мало-мальски справиться съ ранеными, намъ приходилось работать иногда по 18 часовъ въ сутки, бывало и болѣе. Работа заключалась въ слѣдующемъ: мы имѣли палаты, въ которыхъ выполняли обязанности ординаторовъ. Обойдя своихъ больныхъ, мы принимали участіе въ работахъ группъ, на которыя былъ раздѣленъ весь врачебный персоналъ. Однѣ занимались наложеніемъ гипсовыхъ повязокъ, другія простыми перевязками; 3-и входили въ составъ оперирующихъ; 4-и диагностирующихъ группъ. Когда большинство раненыхъ было транспортировано, число вновь прибывающихъ было болѣе умеренно (въ нашемъ госпиталѣ оставались наиболѣе тяжело раненые), то и занятія также нѣсколько уменьшились. Мы работали съ 7 часовъ утра до 10 вечера; отдыхъ былъ во время обѣда отъ 2—3 часовъ. Въ этомъ госпиталѣ мы назначались дежурными по госпиталю наравнѣ съ врачами. Въ такомъ положеніи, сколько мнѣ извѣстно, были поставлены всѣ, окончившія врачебный курсъ женщины; такъ что имъ предоставлялось даже производить подъ руководствомъ профессоровъ самыя серьезныя операціи. Бывало впрочемъ и такъ, что насъ ставили въ такое положеніе, что мы могли дѣлать меньше, чѣмъ то позволяли наши свѣденія и желанія. 8-го Сентября насъ перевели въ Систово въ № 50 госпиталь, такъ какъ большинство раненыхъ было транспортировано сюда. Здѣсь время мы проводили такимъ образомъ: къ 12 часамъ мы должны были оканчивать обходъ своихъ палатъ, такъ что приходилось начинать занятія съ 7 часовъ утра; отъ 12 до 3-хъ мы обязаны были помогать при операціяхъ; временемъ отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ мы пользовались, чтобы отправиться домой пообѣдать. Въ 5-мъ часу начинался вечерній обходъ палатъ, продолжавшійся до 7—8 часовъ. Бывало, что если оказывалось накопленіе работы въ чужихъ палатахъ, напр. требовалось наложеніе гипсовыхъ повязокъ, то, по окончаніи своихъ работъ, мы отправлялись

помогать въ тѣ палаты. Кромѣ того разъ въ 6 дней каждой изъ насъ приходилось быть дежурной на случай, если бы у оперированнаго больного случилось кровотеченіе и вообще для такихъ экстренныхъ случаевъ. Ни наканунѣ, ни на другой день ночи, въ которую мы дежурили, мы не освобождались отъ обычныхъ ежедневныхъ занятій, такъ что отдохнуть удавалось только на слѣдующую ночь. Дежурной комнаты для насъ не было, такъ что намъ приходилось ночевать на открытомъ балконѣ, не смотря на дождливыя октябрьскія ночи».

Этотъ разсказъ женщины прекрасно характеризуетъ скромныхъ и дѣятельныхъ труженицъ, работавшихъ наравнѣ съ мужчинами и помышлявшихъ только о томъ, чтобы не отнято было у нихъ право дѣйствовать сообразно степени ихъ познаній и образованія. Изъ него главнымъ образомъ видно, что всѣ заботы дѣятелей направлены были преимущественно на дѣло специальное, къ которому онѣ подготовлялись. Здѣсь уже не одинъ уходъ за ранеными, который былъ въ рукахъ сестры милосердія, но и специальная врачебная и хирургическая помощь. Здѣсь уже, кромѣ тѣхъ дѣйствій, которыя неразрывно связаны съ обязанностями сестры, выступаютъ иныя, принадлежащія только врачамъ и хирургамъ. Женщина становится ординаторомъ госпитальныхъ палатъ наравнѣ съ прочими врачами мужчинами, становится самостоятельнымъ дѣтелемъ на этомъ полѣ. Она также оперируетъ, діагносцируетъ и лѣчить.

Слѣдовательно всѣ отзывы, безъ исключенія самые благопріятные о самоотверженной и полезнѣйшей дѣятельности врачей въ прошлую войну, относятся также и къ женщинамъ-врачамъ, составлявшимъ часть всего врачебнаго персонала. Ихъ дѣятельность не только хирургическая (производство серьезныхъ операцій) подъ руководствомъ профессоровъ, но и вообще по лѣченію больныхъ, по истинѣ, заслуживала тѣхъ похвалъ, какія давались многими лицами. Такъ въ Февралѣ 1878 г. полевой медицинскій инспекторъ докладывалъ главнокомандующему: «слушательницы женскихъ курсовъ съ самаго начала поступленія, при неимовѣрномъ рвеніи и пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и хирургической и терапевтической помощью вполне оправдали въ этомъ первомъ опытѣ ожиданія высшаго медицинскаго начальства. Самоотверженная ихъ работа среди опасностей и лишеній, среди тифозной болѣзненности, причемъ жертвою была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе и, какъ первый примѣръ примѣненія

женскаго труда въ военномъ дѣлѣ, заслуживаетъ поощренія.» Къ этому можно присоединить отзывъ Ясской эвакуаціонной комиссіи, состоявшей по преимуществу изъ врачей: «слушательницы женскихъ курсовъ за все время своего служенія при учрежденіяхъ комиссіи исполняли возложенныя на нихъ обязанности съ ревностью и научнымъ пониманіемъ дѣла и оказали существенную пользу въ дѣлѣ подаванія медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ»... Тоже самое свидѣтельствовали и Браиловская комиссія и многіе главные врачи военновременныхъ госпиталей. Въ моихъ замѣткахъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія по этому поводу, записанныя со словъ очевидцевъ и проверенныя мною лично. Такъ нѣкоторые изъ ординаторовъ Петербургскихъ клиникъ выражали публично по этому предмету такіе взгляды и мнѣнія, что они прежде сознавали всю тщетность женскаго медицинскаго образованія и даже считали образованіе это недостижимымъ для женщинъ; но, видѣвши дѣятельность женщины-врача, наблюдая за работой и занятіями женщинъ, окончившихъ курсъ медицинскаго образованія, они должны были совершенно измѣнить свой взглядъ на это дѣло и безъ всякаго пристрастія должны дать самый лестный отзывъ о способностяхъ и познаніяхъ женщинъ-врачей, о ихъ ревности къ занятіямъ и о любви къ дѣлу. Нисколько не отнимая достоинства врачей мужчинъ, они въ тоже время находятъ въ женщинахъ-врачахъ, достойныхъ себѣ товарищей. Профессора, подъ руководствомъ коихъ занимались женщины-врачи, также высказывались въпользу ихъ. Вообще впечатлѣніе, вынесенное мною изъ личныхъ наблюденій и встрѣчъ съ ними, — одно изъ лучшихъ и пріятныхъ, именно: впечатлѣніе отъ хорошо сознанной и научной дѣятельности. Сколько разъ удавалось заставать ихъ въ палатахъ у постели больныхъ, какъ опытныхъ уже ординаторовъ, прошедшихъ мѣсяцы хлопотливаго и самоотверженнаго труда, и всегда надо было признать, что онѣ справляются съ дѣломъ добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ его..

Всегда можно было понять и серьезность взглядовъ, и ревностныя отношенія къ дѣлу, и постоянную готовность служить ему такъ, какъ учить наука, какъ говорить чувство, просвѣтленное свѣтомъ науки, какъ внушаетъ нравственный долгъ образованнаго общественнаго дѣятеля. Во всѣхъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ другимъ товарищамъ — врачамъ, къ больнымъ руководящими нитями служили имъ принципы науки и человѣчности. Но дѣянія еще болѣе сдѣлались

очевидны и высоки, когда госпиталямъ пришлось быть пріютомъ главнымъ образомъ больныхъ внутреннихъ и инфекціонныхъ, когда санитарный персоналъ таялъ отъ тифовъ. Во время войны, когда являлась масса раненыхъ, требовалось много труда со стороны врачей; но во время эпидеміи еще того болѣе, и врачи-женщины не отставали отъ своихъ товарищей, съ такимъ же самоотверженіемъ работали наравнѣ съ ординаторами-мужинами. Оказывая подвиги милосердія, женщины въ то же время съ честью несли знамя научной медицины, пользуя больныхъ и изучая формы инфекціонныхъ болѣзней. —

Ревностное служеніе ихъ интересамъ науки и человѣчества, разумѣется, не оставалось для нихъ безъ тѣхъ же послѣдствій, какъ и для всего санитарнаго персонала. Многія изъ нихъ заболѣли тифомъ и съ трудомъ отбились отъ него. Впрочемъ одна изъ нихъ, г-жа Некрасова, осталась въ Болгаріи жертвою своей научной пылкости. Въ то время, когда въ госпиталѣ находилось уже довольно много больныхъ тифозныхъ, она, кромѣ постоянныхъ, ординарныхъ занятій, работала по патологіи тифа, безвыходно почти находясь въ палатахъ у тифозныхъ и въ секціонной комнатѣ. Такъ поступать съ собой было невозможно. Несчастливая труженица, забывавшая о себѣ ради научныхъ стремленій, заболѣла тифомъ и смерть пресѣкла жизненную работу женщины-врача, стремившагося всѣми силами души и тѣла оправдать званіе, присвоенное ей людьми компетентными и долгъ, возложенный воспитавшей ее наукой. Исслѣдованія г-жи Некрасовой остались неоконченными, за смертью ея; но тѣмъ не менѣе работа ея служила хорошимъ доказательствомъ, что женщины-врачи получили достаточную подготовку какъ къ самостоятельной практической дѣятельности, такъ и къ дальнѣйшему самоусовершенствованію и даже къ научной разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ. Къ этому не могу не привести извлеченій изъ отчета г-жи Бестужевой. 27 Іюля 1877 г. она получила назначеніе ѣхать въ Зимницу, и немедленно туда отправилась. «Въ госпиталѣ», пишетъ г-жа Бестужева, «я встрѣтила полное сочувствіе во всемъ персоналѣ къ женскому медицинскому образованію». То-же самое и потомъ пришлось встрѣчать въ другихъ госпиталяхъ, въ которыхъ пришлось работать. «Врачи относились, какъ товарищи, — сестры милосердія были добрыми друзьями и помощниками въ работѣ, больные довѣряли мнѣ».

«Въ первый мѣсяцъ была масса работы съ перевязкой раненыхъ, съ

гипсовыми повязками, съ извлеченіемъ пуль, и пр., такъ что не было времени дать себѣ отчета въ наблюденіяхъ. Полнѣйшая физическая и нравственная усталость. Да и все, что работаетъ въ госпиталяхъ, утомлено, такъ что работа идетъ вяло, энергія ослаблена». Съ полнымъ знаніемъ вреда разныхъ санитарныхъ условій она, рисуешь безотрадные картины тогдашняго положенія больныхъ и раненыхъ. Въ Трновѣ ей даны были терапевтическіе больные. (8 юртъ по 12 чел. въ каждой). Изъ самыхъ разнообразныхъ формъ болѣзней, чаще и больше здѣсь встрѣчались лихорадки. Послѣ недолго-временнаго пребыванія, снова вызвали ее въ Зимницу и оттуда перевели въ Систово, гдѣ она, какъ ординаторъ, имѣла 3 палаты или около 60 терапевтическихъ больныхъ. Такъ какъ эвакуація производилась рѣдко, то здѣсь явилась возможность прослѣдить болѣзни до конца. Здѣсь-то женщина-врачъ занялась наблюденіями надъ придунайскими лихорадками, имѣющими, по ея словамъ, значительный интересъ и чрезвычайное разнообразіе. Я не имѣю возможности, да и было бы неумѣстно занести вполнѣ всѣ наблюденія г-жи Бестужевой съ подробными и точными клиническими исторіями особенно интересныхъ случаевъ заболѣванія лихорадкой, — съ кривыми температуры и пр. Но тѣмъ не менѣе считаю долгомъ справедливости замѣтить, что во всѣхъ наблюденіяхъ очевидно основательное умѣнье отмѣчать наиболѣе важное и серьезное, изъ цѣлаго комплекса самыхъ разнообразныхъ явленій выводить заключеніе о сущности и причинѣ болѣзни и вообще работать научно и точно. Наблюденія женщины-врача надъ случаями заболѣванія придунайской лихорадкой представляютъ интересъ и сами по себѣ и потому еще, что въ нихъ сказалось основательное спеціальное образованіе наблюдательницы, отнесшейся со вниманіемъ къ такому серьезному вопросу...

Наблюденія были дѣлаемы и другими женщинами-врачами; по крайней мѣрѣ удавалось видѣть многія, не обработанные еще замѣтки большинства изъ бывшихъ на войнѣ. Мѣткость и основательность нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣтокъ указываютъ опять-таки на солидное медицинское образованіе женщинъ и на полезную общественную дѣятельность ихъ. Война въ этомъ отношеніи явилась какъ бы пробнымъ камнемъ, и на этомъ камнѣ рѣзкими чертами обозначились способности женщины къ высшему образованію и къ самостоятельной, спеціальной практической дѣятельности.

Въ одномъ изъ госпиталей, расположенныхъ въ Болгаріи, находилось четыре женщины-врача. Всѣ онѣ, по окончаніи работъ, подъ руководствомъ профессоровъ-хирурговъ, поступили въ этотъ госпиталь на правахъ ординаторовъ,—имъ были даны тамъ палаты больныхъ, гдѣ онѣ работали самостоятельно и работали честно и хорошо. Не смотря на то, что въ началѣ занятія ихъ затруднялись взглядами больныхъ солдатъ на женщинъ-врачей — нѣкоторыми особыми непривычными отношеніями другихъ врачей и неопредѣленностью ихъ официального положенія, тѣмъ не менѣе мало по малу женщины побороли эти затрудненія своимъ настойчивымъ трудомъ и ревностными занятіями съ одной стороны,—прекраснымъ, разумнымъ образомъ дѣйствій и жизни съ другой. Больные, ввѣряемые имъ, солдаты, конечно, не могли съ разу получить довѣріе къ знаніямъ докториссъ, не слышавъ до тѣхъ поръ, что таковыя имѣются въ Россіи и въ военныхъ госпиталяхъ и потому въ началѣ смотрѣли на всѣхъ «барышень», какъ на сестеръ милосердія. Но серьезныя спеціально-медицинскія занятія докториссъ, помощь чисто врачебная, давали здравому смыслу больныхъ возможность разпознать въ этихъ «барышняхъ»—лицъ, знающихъ медицину и замѣняющихъ собою врачей. За тѣмъ конечно слѣдовали уже самыя желательныя отношенія больныхъ къ «докторшѣ» и являлось полное довѣріе къ ней.

Это дѣлалось, конечно, скорѣе тамъ, гдѣ врачи-мущины признавали и словомъ, и дѣломъ равноправность между собой и врачами-женщинами. Нельзя умолчать, что и подобныя отношенія между врачами не устанавливались съ разу, что было бы и не мыслимо между интеллигентными людьми. Безъ сомнѣнія, врачи-мущины сначала подвергали наблюденію новыхъ своихъ товарищей и испытывали ихъ знанія, ихъ взгляды и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже обращались не совсѣмъ то съ довѣріемъ къ ихъ силамъ и спеціальнымъ познаніямъ и потому ставили ихъ въ положеніе несамостоятельныхъ дѣятелей—ординаторовъ, но какъ бы только своихъ помощницъ, давая имъ занятія подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Помнится, сколько слезныхъ сѣтованій стоило поставленіе въ такое положеніе женщинъ-врачей послѣ того, какъ онѣ довольно времени вели самостоятельную, ординаторскую практику въ другихъ мѣстахъ. Но помнится и то, что сѣтованія эти изливались между собой или людямъ уже знакомымъ съ ихъ познаніями и дѣятельностью; на дѣлѣ же исполнительностью, постоянной заботливостью и самостоя-

тельными въ случаяхъ экстренныхъ дѣйствіями женщины пробивали себѣ дорогу къ своему положенію и, не смотря на неопредѣленность officialнаго положенія, скоро же достигали того, что врачимушины отдавали имъ должное и доставляли самостоятельность врачебной практики. Въ качествѣ ординаторовъ онѣ получали палаты, то хирургическія, то терапевтическія, смотря по большимъ спеціальнымъ познаніямъ, и въ этихъ палатахъ онѣ вели все врачебное дѣло. Мнѣ говорилъ въ то время одинъ изъ врачей, что на первое время онѣ какъ бы не могли сразу обнаружить самостоятельность и довольно часто обращались за совѣтами къ старшимъ ординаторамъ; но едва ли не тоже встрѣчаемъ и умущинъ врачей въ началѣ ихъ практики, особенно въ учрежденіяхъ, имѣющихъ особыя положенія и мало знакомыхъ начинающимъ дѣятелямъ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Докториссы скоро осваивались съ дѣломъ и скоро же дѣлались самыми ревностными, исполнительными и полезными ординаторами, какъ пришлось выслушать не одинъ разъ и не отъ одного главнаго госпитальнаго врача. Основательность діагностическихъ пріемовъ, осмысленность въ показаніяхъ, въ назначеніи средствъ, — все это утверждено свидѣтельствами врачей, работавшихъ вмѣстѣ и главныхъ врачей, подъ наблюденіемъ коихъ вообще шли госпитальныя занятія. Общій голосъ за то, что женщины, получившія спеціальное образованіе, опытно вмѣстѣ съ тѣмъ показали и свои способности и умѣнья приложить къ дѣлу пріобрѣтенныя ими познанія и что не можетъ быть уже рѣчи о невозможности для нихъ медицинскаго образованія и в р а ч е б н о й п р а к т и к и.

Указывалось нѣкоторыми противниками женскаго медицинскаго образованія на то, что «барышни» едва ли способны къ хирургической врачебной практикѣ, благодаря нервозности, слабости и пр. Но опытъ и въ этомъ отношеніи сталъ на сторонѣ женщинъ. Хирургія имъ также была доступна и операціи серьезныя производились ими съ такимъ же хладнокровіемъ, умѣньемъ и успѣхомъ, какъ и мужчинами. Изъ многихъ свидѣтельствъ приведемъ одно изъ практики 47 военно-временнаго госпиталя. «Состоявшими при немъ женщинами-врачами было произведено много операцій, какъ то: г-жа Бантле произвела ампутацію бедра и экзартикуляцію всѣхъ пальцевъ, Соловьева ампутацію бедра въ верхней трети, Матвѣева — резекцію локтя, ампутацію голени, плеча, операцію Лисфранка, Остроградская — ампутацію голени». Въ другихъ госпиталяхъ, гдѣ находились на службѣ

женщины-врачи, и на перевязочныхъ пунктахъ онѣ оказали достаточныя познанія въ хирургіи.. Нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, были ординаторами въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ, какъ-то: глазныхъ.

Наши разговоры во время отдыховъ всегда клонились только къ тѣмъ случаямъ, которые наблюдались въ утреннія визитаціи, и каждому безпристрастному человѣку представлялась полная возможность сдѣлать изъ нихъ самое благопріятное заключеніе о женщинахъ какъ врачахъ, и о томъ, что серьезное образованіе также доступно имъ, какъ и мужчинамъ... Въ то время начали появляться случаи сыпного тифа и, въ виду опредѣленія этиологіи и разрѣшенія вопроса о спорадичности или эпидемичности тифа, предстояли усиленные работы для врачей. Женщины приняли дѣятельное участіе и скорбные листки и дневники ординаторскіе были наполнены точными замѣтками о ходѣ болѣзни въ томъ или другомъ случаѣ, объ исходахъ и пр. Кривыя температуры, явленія при секціяхъ, особенно замѣчательныя отмѣчались и представлялись общему обсужденію; наблюденія выдѣленій и пр. производились точно и клинически; такъ что нельзя было не отдать должной справедливости женщинамъ-врачамъ. Не говоримъ уже здѣсь о тѣхъ качествахъ, которыя присущи женщинамъ вообще и о которыхъ уже сказано довольно при описаніи дѣятельности сестеръ милосердія. Все то, что отличало русскую женщину въ прошлую войну—ея сердечность въ отношеніи къ несчастнымъ, ея гуманность, ея забвеніе себя ради другихъ, при самой высокой скромности,—все это отличало женщину-врача, нерѣдко становившуюся и сестрой милосердія и фельдшерницей, т. е. и лицомъ предписывающимъ и вмѣстѣ исполнителемъ предписаній. Всѣ тѣ прекрасные отзывы, которые даны о сестрахъ, столько же относятся и къ женщинамъ-врачамъ. Къ нимъ должны быть еще присоединены мнѣнія, основанныя на ихъ спеціальномъ дѣлѣ, въ качествѣ госпитальныхъ ординаторовъ!..

Впрочемъ, въ теченіе кампаніи дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ не ограничивалась только несеніемъ обязанности ординаторовъ въ госпиталяхъ, а выразилась еще и въ самостоятельныхъ занятіяхъ въ качествѣ полковыхъ врачей или врачей частей даже передовыхъ отрядовъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Такъ было уже упомянуто о женщинахъ-врачахъ, работавшихъ вмѣстѣ съ профессорами хирургіи, на перевязочныхъ пунктахъ около Булгарени и затѣмъ одна изъ нихъ г-жа Бѣлобогъ провела довольно времени въ отрядѣ о бо-

женія Плевны на одной изъ батарей и исполняла всѣ обязанности военного врача, т. е. принимала и лечила больныхъ, перевязывала раненыхъ, наблюдала за гигиеническими условіями и т. д. Она пребыла въ этомъ положеніи до времени сдачи Османа-паши и взятія Плевны, гдѣ въ первое время ревностно трудилась вмѣстѣ съ врачами въ Плевненскихъ госпиталяхъ. Относительно ея дѣятельности нельзя не привести слѣдующихъ отзывовъ, данныхъ очевидцами и людьми, бывшими въ ея пользованіи.

«Въ Зимницѣ, подъ руководствомъ профессора Бергмана, ею сдѣланы три большія операціи: двѣ ампутаціи голени и одна ампутація предплечья. 30-го Августа, вмѣстѣ съ профессоромъ Бергманомъ, его ассистентами и сестрами милосердія Крестовозвиженской общины, г-жа Больботъ работала на перевязочномъ пунктѣ, въ деревнѣ Тученица, при подвижномъ лазаретѣ 16-ой пѣхотной дивизіи. Въ теченіи четырехъ дней, проведенныхъ въ Тученицѣ, ею было наложено около 30-ти гипсовыхъ повязокъ и произведены, подъ руководствомъ профессора Бергмана, слѣдующія операціи: одно вылушеніе плеча, одна ампутація голени и одна резекція локтя. Сверхъ сего нѣсколько малыхъ операцій и значительное число простыхъ перевязокъ. 6-го Октября г-жа Больботъ отправилась на позиціи подъ Плевну, гдѣ исполняла обязанности младшаго врача. По взятіи Плевны, съ 29-го Ноября, она занималась въ городѣ перевязкою раненыхъ турокъ, которыхъ тамъ находилось до 5,000, а съ 1-го Декабря состояла въ качествѣ ассистента при завѣдывавшемъ операціоннымъ отдѣленіемъ плевнинскихъ госпиталей докторѣ Гейденрейхѣ. Кромѣ исполненія обязанностей ассистента при всѣхъ операціяхъ и завѣдыванія тремя хирургическими палатами, ею было сдѣлано семь большихъ операцій: три ампутаціи голени, одна ампутація бедра, одна ампутація предплечья, одна резекція локтя, одно вылушеніе верхнихъ фалангъ пальцевъ. Занятія ея въ плевненскомъ операціонномъ отдѣленіи продолжались до 9-го Января 1878 года—дня сдачи его румынскимъ войскамъ.

«27-го Февраля полевой военно-медицинскій инспекторъ прикомандировалъ г-жу Больботъ къ военно-временному № 69-му госпиталю въ Адрианополѣ, гдѣ она и работала до 16-го Марта, когда должна была вернуться въ Россію. Въ госпиталѣ № 69-й г-жа Больботъ состояла за ординатора въ трехъ хирургическихъ палатахъ».

Полезная дѣятельность женщинъ-врачей, опытно доказанная

во время войны, была причиной, что когда, въ виду эпидеміи въ войскахъ, потребовалось укомплектованіе медицинской арміи, женщины не были забыты, и 24 Іюня 1878 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: «Командировать на три предстоящіе мѣсяца въ распоряженіе военно-медицинскихъ инспекторовъ дѣйствующей и кавказской арміи, съ цѣлью распредѣленія по военно-временнымъ госпиталямъ, слушательницъ женскаго врачебнаго курса при петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, по ихъ желанію, для ухода за больными и ранеными, съ тѣмъ, чтобъ: а) окончившія пятый срокъ обученія и перешедшія въ пятый годъ, оставаясь подъ руководствомъ врачей, помогали имъ въ наблюденіи за ходомъ болѣзней и въ подаваніи хирургическихъ пособій и б) перешедшія въ четвертый годъ исполняли обязанности фельдшерицъ».

«Дѣятельность тѣхъ и другихъ ограничить исключительно военно-временными госпиталями, дабы, съ замѣною части труда по уходу за больными и ранеными, можно было освобождающихся ординаторовъ и фельдшеровъ распредѣлять по войскамъ и лазаретамъ».

Приводить отзывы главныхъ госпитальныхъ врачей о той пользѣ, которую принесли женщины-врачи, было-бы повтореніемъ того же, что помѣщено ранѣе о дѣятельности вообще женщины на войнѣ. Равно какъ тоже самое слѣдуетъ сказать о признательности больныхъ. Не только соотечественники, но и бывшіе враги—офицеры и солдаты турецкой арміи—находившіеся на излеченіи въ русскихъ госпиталяхъ въ Плевнѣ, обратились съ адресами къ гг. докторамъ и между ними къ г-жѣ Софіи Больботъ—за ревностную заботу, за операціи и вообще за попеченіе... Общій голосъ данъ въ пользу женщинъ-врачей, и такимъ образомъ опытъ достаточно утвердилъ тѣ соображенія, которыя имѣлись при учрежденіи женскихъ курсовъ, и оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагались на женщинъ. Опытъ этотъ, между прочимъ, и совершенно справедливо послужилъ къ тому, чтобы совѣтъ изъ представителей медицины призналъ за женщинами, окончившими полный курсъ медицинскихъ наукъ, право самостоятельной практики и въ мирное время.

ГЛАВА XVI.

Болѣзненность и смертность среди женскаго санитарнаго персонала, бывшаго на войнѣ.

Предыдущій очеркъ исполненъ глубокаго уваженія къ дѣятельности и жизни русской женщины на войнѣ, но едва-ли можно оставаться равнодушнымъ, при видѣ такихъ подвиговъ, которые запечатлѣны смертью, при видѣ такихъ дѣяній, которыя составляютъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ нашей исторіи... Едва-ли мыслимо иное отношеніе къ цѣлому институту добровольной помощи, къ беззавѣтнымъ стремленіямъ и къ самоотверженнымъ дѣйствіямъ русской женщины, которыя она проявила въ турецкую прошлую кампанію. Въ этомъ случаѣ два, три исключенія не много значатъ; ибо нѣтъ еще такой корпораціи, которая бы всецѣло, безъ малѣйшихъ исключеній, представила изъ себя однѣ идеальныя добродѣтели и которая не являла-бы тѣхъ или другихъ нравственныхъ уклоненій и пр. Необходимо прослѣдить и тѣ явленія, которыя слѣдовали за дѣятельностью женщины, какъ неизбежный результатъ условій ея жизни и труда, и о которыхъ не пришлось еще говорить подробно.

Сестры по прибытіи въ Яссы, Бухарестъ и въ Тифлисъ распредѣлялись по госпиталямъ и лазаретамъ въ Румыніи, Болгаріи, на Кавказѣ и распредѣлялись цѣлыми отрядами и группами; нерѣдко, впрочемъ, отряды дѣлились на нѣсколько частей (3 — 4 сестры), смотря по расположенію госпиталей и госпитальныхъ отдѣленій. Эти части или малые кружки, имѣя во главѣ сестру, по назначенію стар-

шей всего отряда, дѣйствовали самостоятельно, но такія отдѣленія были лишь временныя и въ случаяхъ болѣе важныхъ затрудненій рѣшающій голосъ принадлежалъ старшей сестрѣ отряда. Принимая во вниманіе условія дѣятельности сестеръ милосердія въ Румыніи и Болгаріи, мы можемъ все время раздѣлить на три періода: 1) до Плевненскаго обложенія; 2) Плевненское обложеніе и до заключенія мира и 3) время стоянки нашей арміи въ Румелии.

Первый періодъ отличался тѣмъ, что женщины работали въ госпиталяхъ по сю сторону Дуная, въ Румыніи и частью только въ Болгаріи. Работы сестеръ сосредоточивались, по преимуществу, на раненыхъ, которыхъ въ то время являлось значительное число (Никополь, Плевно, Горный Дубнякъ и пр.). Работа трудная и требующая много вниманія, выносливости, сильныхъ чувствъ; но, тѣмъ не менѣе, самимъ работающимъ, кромѣ нравственнаго и физическаго утомленія, она не представляла другихъ опасностей. Такъ какъ большинство раненыхъ транспортировалось и увозилось въ Россію, то, безъ сомнѣнія, на долю сестеръ и врачей, работавшихъ въ госпиталяхъ, расположенныхъ въ Румыніи, выпало по преимуществу трудиться по приему и отправкѣ больныхъ далѣе. Эти труды сосредоточились на пунктахъ: въ Яссахъ, Фратешти, Зимницѣ, Систовѣ и другихъ, бывшихъ станціями или пунктами остановки транспортовъ въ пути. Впрочемъ, это не исключало работы ихъ и въ госпиталяхъ, въ которыхъ оставались больные на-долго, до возможности отправиться на родину. Періодъ спѣшной, по временамъ утомительной работы, но по крайней мѣрѣ не имѣвшей такого вліянія на самый составъ отрядовъ и группъ сестеръ, какъ слѣдующее затѣмъ время.

Второй періодъ (съ Октября 1877 г. по Мартъ 1878 г.—обложеніе Плевны, а затѣмъ сдача арміи Османа, битвы на Шипкѣ, переходъ черезъ Балканы, движеніе къ Адрианополю и Санъ Стефано) отличается уже отъ перваго тѣмъ, что здѣсь начинается нѣкоторое превалированіе больныхъ надъ ранеными и притомъ появляются случаи заболѣванія заразными болѣзнями, какъ-то: дизентеріей и главное тифами. Перевозка больныхъ и раненыхъ все болѣе и болѣе затрудняется; почему является скопленіе многихъ больныхъ на одномъ мѣстѣ въ госпиталяхъ и слѣдовательно работа сестеръ, какъ и другаго санитарнаго персонала, не только не облегчается, но и въ значительной степени дѣлается труднѣе и тяжелѣе, тѣмъ болѣе что и силы женщины болѣе или менѣе уже были надо-

рваны предыдущими трудами и лишениями, неминуемо связанными съ уходомъ за ранеными. Съ этого времени начинаются уже заболѣванія и между сестрами и между врачами и другимъ санитарнымъ персоналомъ. Конечно, это не вездѣ въ одно и тоже время, — гдѣ ранѣе, а гдѣ позднѣе; такъ напр. въ Яссахъ уже въ Декабрѣ встрѣчались случаи заболѣванія тифомъ врачей и сестеръ; тѣмъ не менѣе, можно сказать, что не было ни одного отряда, ни одной группы, въ которыхъ бы впослѣдствіи не оказывалось больныхъ или перемежной лихорадкой или тифами. Эти предостерегательные знаки, тѣмъ не менѣе, не охладили ревности и самоотверженія дѣятелей и дѣятельницъ. Не смотря на весьма многія неблагопріятныя условія, они продолжали работать, давая помощь больнымъ и снабжая ихъ сердечнымъ и умѣлымъ уходомъ.

Въ этомъ періодѣ должно было измѣниться по обстоятельствамъ и самое направленіе работъ сестринскихъ, — уже не являлось такой надобности въ ихъ умѣньи перевязывать раны и прочее; но приходилось возиться съ больными внутренними, лихорадочными, анемиями, и даже съ горячечными, значить, приходилось обращаться уже совсѣмъ въ больничныя сидѣлки и отказать себѣ въ тѣхъ, быть можетъ, возбужденіяхъ, которыя давали сраженія и несчастныя жертвы ихъ. Сестры и женщины-врачи подчинились этому и съ меньшимъ прилежаніемъ и вниманіемъ принялись и за этотъ, пожалуй, еще тяжелѣйшій трудъ. Ихъ участіе въ этомъ случаѣ было не только не менѣе, но даже болѣе желательно и полезно. Гдѣ требовалось обновленіе силъ больныхъ, гдѣ непремѣнно нуженъ былъ дѣятельный и внимательный уходъ главнѣе всего, тамъ участіе женщины не замѣнимо. Работа подобная начала сказываться чрезвычайно неблагопріятно на здоровьи работающихъ и начали показываться случаи заболѣванія самаго врачебнаго персонала, особенно-же лицъ, ухаживающихъ за больными. Въ это уже время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Фратешти, Яссы, Зимница) почти половина сестеръ лежала больная, а слѣдовательно другой половинѣ приходилось усугублять свои старанія и свои труды. Въ помощь имъ и въ восполненіе пробѣловъ, спѣшно организовались и отправлялись новыя группы сестеръ, изъ которыхъ, по прибытіи на дѣло и при занятіяхъ въ госпиталяхъ, нѣкоторыя сестры скоро же заболѣвали тифомъ. Въ это время уже почти во всѣхъ военно-временныхъ госпиталяхъ было значительное число больныхъ сестеръ, особенно тифомъ. Въ С и с-

то въ едва ли не всѣ сестры одна за другой заболѣвали сыпнымъ тифомъ или бродили, какъ тѣни, отъ дунайской лихорадки. Въ З и м н и ц ѣ, гдѣ въ обоихъ военно-временныхъ госпиталяхъ группы сестеръ трудились въ то время по уходу и за плѣнными Турками, болѣзненность между сестрами была сильная. Тоже и въ Павло, въ Дренновѣ и въ Габровѣ... Каждая почти изъ сестеръ не избѣгла общей участи подвергнуться тифозной заразѣ и промучиться нѣсколько недѣль отъ этого страшнаго врага, пришедшаго вмѣстѣ съ больными въ госпитали и усилившагося тамъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Понятно, что прежде всего и главнѣе всего врагъ этотъ поражалъ лицъ, занятыхъ уходомъ за больными... Уже тогда начали показываться и смертные случаи между заболѣвавшими,—жертвы, принесенныя женскимъ персоналомъ и запечатлѣвшія ихъ подвиги... Уже тогда Главное Управленіе Общества «Краснаго Креста» извѣщало, что въ районѣ дѣйствующей арміи въ средѣ санитарнаго персонала Общества «Краснаго Креста» сильно развитъ тифъ и по имѣющимся свѣдѣніямъ до 1 Февраля умерли сестры милосердія: Баронесса Вревская, Марія Ячевская, Александра Санфирская, Шарлотта Рожковская, Карстъ, фельдшерица Бочарова, слушательница Некрасова... Ничѣмъ не рознились извѣстія и съ Кавказа. И тамъ въ госпиталяхъ Делижанскихъ, Александропольскихъ, между сестрами тифъ нашелъ не мало жертвъ и приковалъ многихъ и на-долго къ постели... Нѣкоторыя изъ сестеръ здѣсь заболѣвали даже и по два раза, то одной, то другой формой тифа.

Война или вѣрнѣе военныя дѣйствія на обоихъ театрахъ войны нашей съ турками окончились; но не окончилась борьба, которую вели врачи съ болѣзнями «побѣдителей» и главнымъ образомъ съ эпидеміями, по несчастію, распространившимися среди дѣйствующихъ армій. Можно утвердительно сказать, что въ это время еще болѣе потребовалось усилій, еще болѣе встрѣтилось лишеній и опасностей, еще болѣе надо было самоотверженія и любви... Это время было дѣйствительнымъ испытаніемъ, чрезъ которое должна была пройти русская женщина, чтобы подвигъ ея стоялъ, какъ яркій свѣточъ на горѣ и свѣтъ его свѣтилъ во всѣ концы вселенной.

Третій періодъ такимъ образомъ характеризовался тѣмъ, что госпитали были переполнены и обитатели госпиталей были по пре-

имуществу больные тифомъ и чаще сыпнымъ тифомъ. Съ этимъ вмѣстѣ во все продолженіе періода до прекращенія эпидеміи въ войскахъ, среди женскаго персонала, посвятившаго себя уходу за больными, болѣзненность возросла до страшныхъ размѣровъ.

Насколько велика была болѣзненность между сестрами, позволимъ сослаться на свѣдѣнія, относящіяся къ Маю 1878 года. Въ это время, по свѣдѣніямъ главноуполномоченнаго: «въ Софіи, сестры милосердія также, какъ и вездѣ, неустанно продолжаютъ свое подвижничество. Одна изъ нихъ, госпожа Дроздова, заболѣвъ тифомъ, умерла. Еще одно имя въ длинномъ списокѣ русскихъ женщинъ, положившихъ душу свою за други своя! Въ Филиппополѣ изъ 19 врачей переболѣло 17, изъ коихъ умерло шесть. Миръ праху честнымъ труженникамъ науки и человѣколюбія! Число больныхъ сестеръ милосердія увеличилось до 9; одна умерла. Въ Адриано-полѣ сестры Крестовоздвиженской общины, не щадя своихъ силъ, стараются помочь трудному положенію больныхъ. Больныхъ сестеръ четыре. Въ Чаталджѣ—пять сестеръ больныхъ. Въ Чорлу сестры прибыли только 12 Мая, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ многія изъ нихъ переболѣли и три умерло изъ 17: старшая—Семенова и младшія—Храпкова и Томилина».

Или не много ранѣ въ Апрѣлѣ больныхъ было: «въ Чаталджѣ 5, Филиппополѣ 4, Адрианополѣ 4. Къ этому-же времени относятся извѣстія о смертности сестеръ и о болѣзненности между ними въ госпиталяхъ Болгаріи, какъ-то: «въ Горномъ-Студенѣ больныхъ половина и изъ нихъ уже старшая—г-жа Мягкова умерла отъ тифа». Въ Лѣтницѣ и Порадимѣ работали тогда сестры Покровской общины. Больные помѣщались въ домахъ и хатахъ. Между сестрами также распространилась болѣзненность, равно какъ и въ Разградѣ и Бѣлѣ, гдѣ трудилась тогда часть сестеръ Георгіевской общины»...

На основаніи данныхъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи и повѣренныхъ потомъ точными свидѣтельствами самихъ дѣятельницъ, можно положить, что во все время ихъ дѣятельности или во всѣ три періода, самая малая часть ихъ осталась здоровой. Значительное же большинство (80—90%; а въ нѣкоторыхъ отрядахъ и группахъ всѣ поголовно) болѣло тифами, то сыпнымъ, то возвратнымъ, то перемежающеюся мѣстной лихо-

радкой. И такъ вездѣ — и въ Болгаріи и въ Румелии, и въ Румыніи и на Кавказѣ. *) Но достойно особаго замѣчанія, что женщины заболѣвшія не рвались большей частью домой, — вонъ изъ госпиталя, въ которомъ служили, а едва только поднимались на ноги, снова шли въ ту же «заразу», въ тотъ же госпиталь, столь жестоко поступившій съ ними и даже нѣкоторые радовались, что «вотъ, наконецъ, успѣли онѣ перенести тифъ, и теперь безбоязненно могутъ уже посвятить себя снова уходу за тифозными больными.»

Бывало такъ, что и второй разъ заболѣвали, но и это не оставляло героинь... Онѣ снова шли на свое дѣло и оставались на своемъ посту!... Одна изъ младшихъ и молодыхъ сестеръ (Делижанъ) бѣжала не боясь заразы, такъ какъ только что перенесла тифъ въ Петербургѣ; во время эпидеміи на Кавказѣ она снова заболѣла тифомъ и потомъ еще разъ также вынесла горячку; но возвратилась съ своимъ отрядомъ, и всегда, какъ только позволяли силы — тотчасъ шла къ своимъ больнымъ. И такихъ примѣровъ было нѣсколько.

И такъ, если считать даже эти вторичныя заболѣванія и при томъ считать не одни только заболѣванія тифомъ, то придется сдѣлать такой выводъ, что почти всѣ сестры милосердія переболѣли. Главной же и превалирующей болѣзнью былъ сыпной тифъ. Сколько изъ нихъ умерло, — самыхъ точныхъ свѣдѣній пока не имѣется; но изъ достовѣрныхъ данныхъ, извѣстныхъ до-селѣ, немногіе отряды сестеръ милосердія и немногія группы сестеръ «Краснаго Креста» вернулись въ томъ же составѣ, въ какомъ отправились изъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ оставили на чужбинѣ, въ землѣ, по одному своему товарищу, а другіе по два и даже по три. Такъ отрядъ сестеръ, состоявшій изъ 12 лицъ, въ которомъ старшей сестрой была г. Токарева, понесъ самую значительную потерю. Изъ 12-ти лицъ умерли двѣ въ Румелии отъ тифа: одна старшая г. Токарева въ Адрианополѣ, другая же старшая отдѣленія отряда г-жа Глыбина въ Санъ-Стефано и третья уже въ Россіи, по возвращеніи сюда слабою отъ перенесенной болѣзни. Затѣмъ группа сестеръ, работавшихъ въ Чорлу, состоявшая изъ 17 сестеръ, потеряла

---

*) Для примѣра возьмемъ общину Благовѣщенскую, въ которой изъ 131 сестры болѣло 124, или передовой этапный отрядъ, въ которомъ болѣли тифомъ всѣ, или отрядъ Георгіевской общины, въ которомъ также переболѣли почти всѣ и т. д.

также трехъ, умершихъ отъ тифа. Нѣсколько отрядовъ, имѣвшихъ по 16 сестеръ, потеряли отъ тифа по двѣ сестры, въ нѣкоторыхъ же умерло по одной. Фельдшерицы потеряли двухъ умершихъ отъ тифа, женщины-врачи двухъ отъ тифа и третью, не выдержавшую тяжелыхъ лишеній и испытаній и подъ бременемъ ихъ лишившую себя жизни. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ отрядахъ и группахъ умерло отъ 12,5—15 и даже въ одномъ до 25% на весь численный ихъ составъ, или отъ 15% до 22% относительно числа заболѣвшихъ тифами. Эти цифры, конечно, относятся только къ нѣкоторымъ группамъ и отрядамъ; были и такія, которыя, не смотря на страшную болѣзненность, потеряли умершими самый незначительный процентъ. На сколько мнѣ удалось собрать свѣдѣнія объ умершихъ сестрахъ милосердія, у «Краснаго Креста», умерло на войнѣ болѣе 40 сестеръ. Но въ эту цифру не вошли свѣдѣнія о многихъ группахъ, работавшихъ и болѣвшихъ въ Румыніи, на Кавказѣ и въ русскихъ черноморскихъ портахъ. Можно приблизительно положить, что умерло болѣе 5% всего числа женщинъ, бывшихъ на войнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и эта цифра минимальная и что въ дѣйствительности было умершихъ сестеръ болѣе. Если же присоединить сюда и тѣхъ, которыя умерли здѣсь на родинѣ, вслѣдствіе перенесенныхъ болѣзней и трудовъ тамъ, то и самые проценты потерь значительно должны увеличиться. Безъ всякаго сомнѣнія, будутъ сообщены Главнымъ Управленіемъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ вѣрныя и точныя цифры потерь, которыя понесъ женскій санитарный персоналъ. Въ своемъ же очеркѣ я указалъ лишь на извѣстныя доселѣ и изъ этихъ свѣдѣній уже видно, что потери вообще незначительны.

Труды, лишенія и болѣзни не ограничивались только похищеніемъ навсегда изъ міра сего труженицъ; но на нѣкоторыхъ вліяли такъ, что и потомъ навсегда вычеркивали труженицу изъ ряда лицъ, способныхъ къ какой-либо работѣ, обезсиливая и ослабляя организмъ до того, что такія лица уже не могли сами доставать себѣ пропитаніе. Число такихъ неизвѣстно; но, судя по занесеннымъ заявленіямъ, таковыя находятся. — Принимая же во вниманіе вообще исходы тифовъ, мы не сомнѣваемся въ вѣрности подобныхъ заявленій и въ томъ, что нѣкоторые изъ женщинъ на долго, а быть можетъ и навсегда, сдѣлались неспособными даже къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ.

Вотъ самый сжатый, краткій и возможный очеркъ потерь, какія понесли женщины во время своей дѣятельности на войнѣ и тѣхъ отношеній, какія обнаружила женщина къ эпидеміи и къ своей дѣятельности. Изъ этого также можно усмотрѣть и самыя цѣли и побужденія, которыми водились женщины въ своихъ работахъ и въ своихъ стремленіяхъ на войну. Одни уже такіе факты, что всѣ онѣ, выздоравливая и поправляясь нѣсколько, немедленно приступали къ работѣ, или же, несмотря на всѣ ужасы эпидеміи, многія изъ нихъ отправлялись вторично на дѣло въ госпиталяхъ, достаточно говорятъ за самоотверженіе и полезность всего женскаго персонала.

Сколько можно видѣть изъ предыдущаго, — съ честью и славой вышла изъ такого испытанія русская женщина! Это же самое утверждается особенно тѣмъ явленіемъ, которое бы грѣшно было пропустить, не занеся въ настоящій очеркъ дѣятельности женщинъ на войнѣ. Во время страшнаго разгара эпидеміи, какъ уже сказано, весьма многія заболѣвали тифами и иныя до того ослабѣвали, что, по крайней необходимости, приходилось давать имъ возможность отдыха и направленія силъ на родинѣ. Почему нѣкоторыя изъ сестеръ, изнемогшія отъ трудовъ и болѣзней, возвращались въ Россію и на ихъ мѣсто прибывали другія. Но когда потребность въ уходѣ за больными возросла до того, что нужны были еще и еще силы, то многія изъ сестеръ, возвратившихся на родину и испытавшихъ уже всѣ «п р и я т н о с т и» работы въ госпиталяхъ, во время эпидеміи, снова заявляли свое искреннее желаніе служить и снова отправлялись въ «б и т в ы». Иначе трудно назвать дѣятельность, которая имъ предстояла впереди въ госпиталяхъ, переполненныхъ больными и преимущественно тифозными. Болѣе 60 сестеръ «Краснаго Креста» отправились вторично въ госпитали, расположенные въ Румеліи и Болгаріи. Изъ нихъ нѣкоторыя пробыли почти годъ на Кавказѣ, работая въ самое трудное время для Кавказской арміи и лѣтомъ 1878 года снова направились въ Европейскую Турцію и здѣсь продолжали свое полезнѣйшее дѣло... Этотъ фактъ достаточно и безъ всякихъ комментаріевъ говорить за женщину, за ея искреннія стремленія къ общественному благу и благу славянскихъ освободителей.

При всемъ этомъ нельзя умолчать о тѣхъ чувствахъ, которыя отдавались живыми и умершими или о некрологахъ женщинъ-врачей, фельдшерницъ и сестеръ милосердія, составленныхъ подъ свѣжими впечатлѣніями недавнихъ утратъ... Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ...

† Марія Александровна Ячевская. При многочисленном стечении народа, съ вокзала Николаевской желѣзной дороги и до Волкова кладбища препровождены были останки умершей сестры «Краснаго Креста», Маріи Александровны Ячевской.

«Высокій христіанскій подвигъ милосердія, совершенный умершею сестрою и, можетъ быть, главнымъ образомъ, приведшій ее къ ранней могилѣ, налагаетъ нравственный долгъ сказать нѣсколько словъ, которыми мы желали бы почтить память отшедшей въ вѣчную обитель Отца Небеснаго и увѣковѣчить въ сердцахъ русскихъ воспоминаніе объ одной изъ многихъ сестеръ милосердія, нравственные подвиги которыхъ особенно велики въ настоящіе моменты жизни нашего отечества. Какъ ни тяжела эта утрата, но за то она есть истинная жертва, пріятная Богу, — вѣнецъ и торжество христіанской любви къ страждущимъ ближнимъ. Дочь тайнаго совѣтника Ячевскаго, по средствамъ и по положенію своему получившая прекрасное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Петербурга, будучи въ цвѣтъ лѣтъ, Марія Александровна могла бы воспользоваться всѣми выгодными условіями свѣтской общественной жизни и семейнаго положенія; но не къ тому стремилась высоконравственная душа христіанской дѣвицы; ея сердце горѣло желаніемъ — посвятить себя на служеніе страждущему человѣчеству. И вотъ, со времени объявленія войны, Марія Александровна пожелала поступить въ число сестеръ милосердія «Краснаго Креста»; послѣ достаточной и усиленной подготовки и, по выдержаніи испытанія, она отправилась въ дѣйствующую армію на тягостное служеніе страждущимъ.

«Таинственъ и непонятенъ для многихъ, можетъ быть, тотъ внутренній зовъ нашего духа, который влечетъ насъ иногда къ необычнымъ подвигамъ! По засвидѣтельствованію той почтенной особы, подъ руководствомъ которой совершалась подготовка Маріи Александровны въ сестры милосердія, — зовъ души ея былъ искрененъ и проникнутъ святымъ сознаніемъ долга, который возжелала она принять на себя; отъ того и дѣятельность ея на пользу страждущихъ поставила ее въ ряду достойныхъ подвижницъ сестеръ милосердія. Прибывъ на мѣсто дѣйствій въ самое тяжелое и трудное время, Марія Александровна неутомимо работала въ госпиталяхъ Румыніи и Болгаріи. Она являлась тамъ, гдѣ болѣе встрѣчалось надобности въ ея энергической дѣятельности, вызывавшей удивленіе и благодарность всѣхъ ея окружающихъ. Ея ласковое обхожденіе, утѣшительное слово и

заботливая предупредительность доставляли страдальцамъ отрадное успокоеніе, а благодарная улыбка умирающаго воина была ея единственной и высокой наградой. Нравственное сознаніе въ необходимости ея помощи укрѣпляли ее въ перенесеніи всѣхъ тяжелыхъ обязанностей, но бессонныя ночи, чрезмѣрный трудъ и непривычная обстановка физическихъ страданій скоро сломили крѣпкое здоровье и молодыя силы. 19 Января, въ госпиталѣ города Бѣлы, въ Болгаріи, Марія Александровна скончалась послѣ весьма непродолжительной болѣзни»...

«Наряду съ высокими подвигами нашего воинства, совершили не маловажные нравственные подвиги женщины, стоящія на различныхъ ступеняхъ общественной жизни, одинаково искренно проникнутыя святою идеею служенія страждущему человечеству. Въ этомъ и заключается особенное величіе и единство услугъ, оказываемыхъ обществу и государству со стороны женщины, безъ различія вѣковой сословной раздѣленности». (Вѣстн. Народ. Помощи.)

† Сестра П. Глыбина.—«Здѣсь, въ Санъ-Стефано, послѣ тяжкаго и скоротечнаго тифа скончалась одна изъ трехъ сестеръ, бывшихъ сюда ранѣе всѣхъ другихъ. Покойная не обладала, быть можетъ, высшимъ образованіемъ, но за то,—что особенно дорого,—имѣла доброе, простое, отзывчивое на страданіе ближняго сердце и энергію. Она оставила родину, и, побѣдивъ въ себѣ страхъ войны, перенесла всѣ трудности и лишенія для того, чтобъ энергично и честно, съ безкорыстнымъ самоотверженіемъ, исполнять высокую миссію, добровольно на себя принятую. Она неутомимо работала въ передовыхъ госпиталяхъ, на перевязочныхъ пунктахъ, перешла вмѣстѣ съ войсками Балканы, и здѣсь въ Стефано явилась изъ первыхъ сестеръ, протянувшихъ руку помощи и облегченія больнымъ въ самое трудное время—въ разгаръ эпидеміи. Нельзя было безъ умиленія видѣть работу этой труженицы, всегда готовой спѣшить на свое дѣло, и безпрекословно, безропотно работавшей тамъ, гдѣ указано... За свою гуманную дѣятельность среди стонów и страданій она пользовалась общимъ уваженіемъ и любовью. Миръ тебѣ, благородная женщина! Потомство не останется равнодушнымъ къ твоимъ заслугамъ и подвигамъ, понесеннымъ ради высокой идеи—идеи освобожденія и горячей любви къ человѣку... Прахъ твой—у воротъ Константинополя, бывшаго когда-то средоточіемъ христіанства, и твоя могила будетъ служить видимымъ знакомъ христіанской

любви, приведшей русскую женщину туда, гдѣ прежде являлись великіе подвижники христіанства. . Твои соотечественники и соотечественницы, единоплеменные и иноплеменные явились отдать послѣдній долгъ тебѣ, какъ свѣтлой личности, высоко несшей знамя русской сердобольной женщины.» (Изъ писемъ врача).

† Врачъ Н. Некрасова. «Нашъ врачебный строй все рѣдѣтъ болѣе и болѣе... Еще одна свѣжая могила, еще одно имя прибавилось къ списку врачей, погибшихъ въ Болгаріи на своемъ посту. Здѣсь (въ Систовѣ) скончалась отъ тифа женщина-врачъ г-жа Некрасова. Она пала жертвой не только чрезмѣрныхъ самоотверженныхъ трудовъ, но и научной пылкости, которой было въ это время обширное поприще.. Кромѣ постоянныхъ усиленныхъ занятій по званію ординатора госпиталя, покойная задалась изученіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся тифозныхъ заболѣваній, и для этого она не щадила себя, ни при изслѣдованіи больныхъ, ни при посмертныхъ секціяхъ.. Но зараза не пощадила труженицу и пресѣкла жизнь женщины-врача, не давъ докончить и ученую работу и вообще только что начатое поприще врача.. Всегда ревниво относясь къ вопросамъ о положеніи женщины, о ея правѣ на высшее образованіе и на врачебную дѣятельность, она сама только и мечтала, чтобы достойно окончить свой подвигъ и тѣмъ утвердить въ общественномъ сознаніи мысль о способности женщины къ высшему образованію и практической дѣятельности на врачебномъ поприщѣ. Подвигъ оконченъ и жертва принесена...» (Изъ писемъ врача).

† Памяти усопшей фельдшерицы Анны Афанасьевой. Д-ра І. Бертенсона. «Великія историческія событія не происходятъ безъ великихъ жертвъ; какъ современникамъ великой, отечественной, исторической, эпохи, происходящей на нашихъ глазахъ, намъ и всему русскому обществу приходится почти ежедневно оплакивать тяжелыя потери...

«Лучшіе люди, павшіе на полѣ брани, въ борьбѣ за правое дѣло оставили въ сердцахъ близкихъ имъ — матерей, отцовъ, братьевъ — глубокую печаль, невыразимую душевную скорбь. — Слезы осиротѣлыхъ вдовъ и сиротъ не скро еще осушатся, дорогія сердцу имена пожертвовавшихъ своею жизнью для блага и величія родины, еще долго будутъ на устахъ ихъ...

«Но такъ точно, какъ потерянное навѣки дитя повергаетъ въ печаль и скорбь осиротѣвшее семейство, такъ равно и школа, вопло-

щающая въ себѣ идею духовнаго сродства, не менѣе оплакиваетъ дорогія ей потери въ лицѣ ея воспитанницъ.

«Нравственная связь, создаваемая наукою и просвѣщеніемъ и неизбежно существующая между воспитателями и воспитываемыми, между руководителями и руководимыми, не только развивается и крѣпнеть ежедневно въ стѣнахъ школы, въ лонѣ школьной семьи, но и сохраняется на всю жизнь въ сердцахъ тѣхъ, кто съ понятіями о наукѣ и знаніи соединяетъ также понятія—о добрѣ, нравственной зрѣлости, честномъ выполненіи долга и любви къ ближнему...

«Духовное родство по сему, связующее членовъ школы, не прекращается и въ стѣнѣ ея. Тяготѣніе къ мѣсту, гдѣ мы впервые прозрѣли свѣтъ знанія, и откуда мы выносимъ основанія впослѣдствіи не только насъ матеріально обезпечивающія, но ограждающія насъ отъ многихъ ошибокъ и заблужденій, свойственныхъ молодости, остается на всю жизнь, и заставляетъ невольно обращаться мыслями къ источнику, откуда мы въ юные годы черпали все то, что обусловливаетъ умственную жизнь образованнаго человѣка. Но школа и съ своей стороны съ любовью глядитъ на своихъ питомцевъ и сопровождаетъ ихъ съ надеждою и со страхомъ каждый разъ, когда онѣ впервые робко вступаютъ на путь служенія человѣчеству и, вскорѣ затѣмъ, безбоязненно и беззавѣтно стремятся на встрѣчу суровому долгу!—Ни время, ни разстояніе не умаляютъ ни этой любви, ни этихъ надеждъ, ни этого страха за благосостояніе дорогихъ членовъ школьной семьи.—Съ гордостью воспринимаетъ школа—эта духовная мать, каждое извѣстіе, свидѣтельствующее о нравственной доблести и о преуспѣяніи на пути избраннаго ими призванія; съ любовью прислушивается она къ каждому заявленію, касающемуся ихъ благосостоянія, и глубоко скорбитъ, когда Провидѣнію благоугодно ниспослать ей тяжкую скорбь и печаль—въ утратѣ кого-либо изъ близкихъ ей сочленовъ. Въ эту минуту школа оплакиваетъ незамѣнимую потерю въ лицѣ одной изъ ея лучшихъ воспитанницъ.

«Анна Афанасьева, скончавшаяся 10 Марта сего года, въ Румыніи, на берегахъ Дуная, въ Зимницѣ, пала жертвою выполненія высокаго долга. Исполняя обязанности фельдшерицы при 47 военновременномъ госпиталѣ, она заразилась жестокимъ тифомъ, вслѣдствіе котораго и сошла въ могилу на 24 году жизни. Вся недолгая жизнь, въ періодъ возмужалости, этой тихой, скромной и неутомимой труженицы, была запечатлѣна серьезнымъ, осмысленнымъ отношеніемъ

къ дѣлу, и глубокимъ пониманіемъ принятыхъ ею на себя обязанностей.

«Поступивъ по экзамену, въ Августѣ 1872 г., въ число воспитаницъ нашей школы, покойная Афанасьева окончила, 25 Апрѣля 1875 г., полный курсъ наукъ съ отличіемъ и была удостоена при выпускѣ высшею наградю — книгою «за благонравіе и отличные успѣхи». Началомъ ея служебной дѣятельности былъ г. Вильно, гдѣ она въ продолженіи 8 мѣсяцевъ состояла въ должности фельдшерицы при Маріинскомъ женскомъ училищѣ. Тяготясь бездѣйствіемъ, ища болѣе серьезнаго труда, и не находя удовлетворенія въ учрежденіи, гдѣ собственно больницы не существуетъ, а заболѣвающихъ и больныхъ бываетъ очень небольшое число, — Афанасьева, не смотря на привольность и полное матеріальное обезпеченіе, которыми она пользовалась при этомъ учрежденіи, ходатайствовала о переводѣ ея на службу на другое мѣсто, болѣе подходящее къ ея способностямъ, къ ея стремленіямъ къ труду. Желаніе ея было удовлетворено, и въ слѣдующемъ году покойная получила назначеніе въ С.-Петербургскую дѣтскую больницу Принца Петра Ольденбургскаго, гдѣ она оставалась до начала открытія, въ минувшемъ году, военныхъ дѣйствій. Излишне было бы здѣсь упоминать, что отзывы о ея службѣ были и тамъ и здѣсь выше всякихъ похвалъ.

«Призывъ къ новой, невѣдомой ей до того дѣятельности, къ служенію отечеству, къ уходу за ранеными и больными на театрѣ войны — встрѣтилъ Афанасьеву, въ числѣ другихъ нашихъ воспитаницъ, совершенно готовою къ выполненію этого высокаго и священнаго для каждаго русскаго долга.

«Оставаясь въ началѣ войны нѣкоторое время на одномъ изъ этапныхъ пунктовъ въ Румыніи, по Яско-Бухарестской желѣзной дорогѣ, Афанасьева вскорѣ за тѣмъ была переведена въ Браиловъ, оттуда въ Фратешти и впослѣдствіи, вслѣдствіе огромнаго скопленія раненыхъ и больныхъ въ Зимницѣ, назначена была на этотъ пунктъ, самый важный изъ всѣхъ другихъ эвакуаціонныхъ пунктовъ. Здѣсь Афанасьева неутомимо, день и ночь, предавалась всецѣло своему благородному призванію и пожертвовала, во имя великаго нравственнаго долга — служенія человѣчеству, — собственною жизнью! Неумолимая смерть скосила нашу труженицу во время полного разгара ея дѣятельности. Покойная Афанасьева своею любовью къ дѣлу и къ страждущимъ, своимъ высокимъ самоотверже-

ніемъ и глубокимъ пониманіемъ своихъ обязанностей вполне оправдала тѣ надежды, которыя школа наша возлагаетъ на своихъ воспитанницъ; своею прежде-временною смертію—смертію труженицы и честнаго человѣка—она на вѣки запечатлѣла память о себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказала, что въ вопросахъ нравственной жизни, въ сознаніи выполненія долга и служенія во имя ближняго—не существуетъ невозможнаго.....

«Школа глубоко чтитъ нравственные подвиги усопшей, связанные съ призваніемъ ея, и съ соизволенія г. Предсѣдателя С.-Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета, постановила: увѣковѣчить память объ Афанасьевой нанесеніемъ ея имени, времени поступленія ея въ школу, времени окончанія курса и смерти въ районѣ дѣйствующей арміи—на мраморной доскѣ, которая имѣетъ быть помѣщена въ храмъ, въ которомъ мы собраны.

«Да—будетъ память объ усопшей знаменіемъ не только глубокой, душевной благодарности оплакивающихъ теперь ея преждевременную кончину, но и залогомъ будущаго преуспѣянія нашей школы, а для васъ всѣхъ, въ настоящее время учащихся въ ней, высокимъ примѣромъ истинно христіанской добродѣтели, нравственной зрѣлости, уваженія къ призванію и долгу своему, любви къ учрежденію, старающемуся въ васъ развить эти качества, однѣ лишь украшающія женщинъ и имъ присущія!»

